

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»
#4 2025

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

В номере:

**Социальные практики
цифрового общества**

**Социология политики и
международных
отношений**

**Социогуманитарные
исследования**

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ «Научного центра психического здоровья»

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, кандидат философских наук, ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Обложка номера создана с помощью ИИ-ассистента YandexGPT 5.1 Pro.

Содержание

Социальные практики цифрового общества

- Кравченко А.Л., Ломакин Д.В. Цифровые платформы как механизм социального контроля: социологический аспект* 3
- Лучесвецкий А.Б. Цифровая коммуникация как инструмент управления в малых технологических компаниях: опыт применения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса* 13
- Васильева М.Ю. Трансформация авторства в постгуманистическом тренде* 20
- Конева М.А., Григорьев Ю.В. Лжесоавторы изобретений как институциональное явление* 30

Социология политики и международных отношений

- Панов И.В. Нормативно-правовые основы экономического взаимодействия РФ и КНР в ШОС: новые правовые механизмы и потенциал сотрудничества* 39
- Душин М.Д., Красноцкая М.Д. Языковая политика: от моральной паники к эффективности правового регулирования* 52

Социогуманитарные исследования

- Кравченко А.Л., Бездетных А.В., Ломакин Д.В., Санархин И.И., Тимофеев Н.Е. Надписи на студенческих партах: опыт социологического анализа* 61
- Ранюк Н.В. В.И. Вернадский о философских аспектах гармонии и смысла жизни* 69

УДК 316

А.Л. Кравченко, Д.В. Ломакин

Цифровые платформы как механизм социального контроля: социологический аспект

Аннотация:

Рассматриваются параметры цифровых платформ в системе современных механизмов социального контроля. Показана специфика и структура платформенного контроля. Выявлены особенности функционирования цифровых платформ в эпоху позднего («платформенного», «надзорного») капитализма. Сделан вывод о гибридном характере платформенного контроля, включающего элементы дисциплинарных практик власти, рыночного регулирования и алгоритмического управления поведением пользователей на микро- и макроуровнях.

Ключевые слова: цифровые платформы, капитализм платформ, социальный контроль, платформенный контроль, неолиберализм, цифровой надзор, когнитивные войны.

Об авторах: Кравченко Алексей Леонидович, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; Подмосковный политехнический колледж; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Ломакин Дмитрий Викторович, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук, эл. почта: foixyt09@gmail.com

Введение

Современное общество переживает процессы качественной трансформации, связанной с внедрением цифровых технологий в различные области общественной жизни. В этой связи цифровые платформы оказываются инфраструктурной основой современного социума, а также полноценной бизнес-моделью. Такая роль наделяет цифровые платформы властью, поскольку платформенный формат современных экономических, политических и

социокультурных практик превращает платформы в незаменимый инструмент социального контроля.

«Цифровая платформа» – многозначное понятие, которое рассматривается в нескольких контекстах. Прежде всего, понятие отсылает к части IT-среды эпохи WEB 2.0: с точки зрения такого подхода платформа представляет собой «цифровую инфраструктуру, которая позволяет двум и более группам взаимодействовать», поэтому она позиционируется как посредник, соединяющий между собой различных пользователей [10].

Однако важно воспринимать платформу не только как среду коммуникации, ведь со временем она трансформируется в бизнес-модель, основная задача которой – это получение прибыли и капитализация пользовательских данных различных форматов. Платформа оказывается основой современного цифрового капитализма и замыкает цепочку его развития: «капиталистическая фабрика – крупная корпорация – глобальные производственные сети – платформы» [8]. Ключевая особенность новой бизнес-модели заключается в «сырье», которое она извлекает, – в данных. Главная особенность такого сырья – абсолютная универсальность и многоплановость. Потребительские привычки пользователя могут быть использованы в медицине, реализованы для продажи «подходящей» пары носков, а могут быть основой для обучения нейросетей.

Помимо этого, данные освобождают производство и экономическую систему от физических носителей. Они все «плавают» в цифровой среде. Цифровые следы с достаточно высокой достоверностью позволяют определить пол и возраст человека, особенности личности, а знание о социально-демографических и психических особенностях дает «кодированный ключ» для манипулирования сознанием и поведением пользователя [3].

Вместе с тем механизм сбора данных включает в себя не только анализ и интерпретацию текста. Агрегация данных позволяет реализовывать анализ фото, внешности и образа пользователя, его геоданные, потребительские привычки, внимание (время акцента, сформированное через пользование и фиксацию компьютерной мыши). Развитие технологических возможностей для сбора информации о пользователе приводит к тому, что люди оставляют все больше цифровых следов (данных, которые они производят сами) и цифровых теней (информации, которую собирают о них другие). Такие архивы позволяют осуществлять дата-надзор и геонадзор (отслеживание местоположения и перемещения

людей, транспортных средств, товаров и услуг, мониторинг пространственных взаимодействий) [3]. Подобное господство данных обуславливает новую акторную модель в организационной структуре цифрового капитализма:

- пользователь (одновременно с этим и производитель);
- малый и средний бизнес, индивидуальные предприниматели (промежуточное звено коммуникации, которое берет на себя основные риски и массу издержек);
- цифровая платформа.

Платформенными компаниями разворачивается реальный рыночный обмен, связанный с продажей поведенческих прогнозов рекламодателям и другим интересантам. Он скрыт от пользователей и находится вне их контроля [8]. Цифровые «крестьяне», как называет современное общество создателей и потребителей данных социальный теоретик Я. Варуфакис, бесплатно, с большим энтузиазмом ради «социальных очков» отдают пользовательскую информацию о себе платформам, создают контент и привлекают других людей в систему социальной замкнутости [2].

После того, как данные оказываются в сети, они уже не принадлежат индивиду, а «встраиваются» в платформенную систему и могут быть использованы вне зависимости от интереса и понимания человека. Обозначенные «метаморфозы» капитализма существенно трансформируют привычные устои общественной жизни: приватность личности, независимое принятие решений, анонимность и безопасность в сети.

Настроенные алгоритмы пользователя не позволяют ему совершить до конца осознанную покупку, поскольку заранее предложенные товары уже настроены специально под его предпочтения; новостные ленты в социальных сетях меняют и формируют общественное мнение; «слитые» базы данных, ставшие обыденностью, ставят под сомнения информационную и экономическую безопасность пользователя. Наконец, у нас еще нет окончательного понимания того, сколько же информации о каждом из пользователей платформы имеют в своих «запасах», и как компании в действительности их используют.

В современной социальной теории проблематика социального контроля становится одной из центральных. Теории контроля XIX-XX вв., ставшие классическими, перестают адекватно описывать практики современного социального контроля, усовершенствованного технологическими системами. В качестве инструмента социального контроля цифровые платформы осуществляют не только сбор колоссальных объемов

пользовательских данных, но и регуляцию поведения индивидов посредством уникальной архитектуры выбора, персонализации контента, всевозможных экономических стимулов и пр. В результате современный контроль оказывается невидимым для пользователя, который воспринимает его проявления как удобство сервиса.

Предпосылки и специфика платформенного контроля

Социальная теория успела выработать и даже предсказать особенности социального контроля, осуществляющегося посредством цифровых платформ. Так, в работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко размышляет о метафоре паноптикума – идее И. Бентама, описывающей тюремную модель, где заключенный всегда видим для надзирателя, который сам остается незаметным. Паноптизм порождает эффект самоконтроля, ведь предполагая постоянное наблюдение за собой, индивид трансформируется в самонадзирателя, осуществляющего перманентный самоконтроль [11].

Однако, если паноптическая модель контроля, характерная, по мысли М. Фуко, для дисциплинарных обществ, связывалась с конкретными институциями, местами и временем, то цифровые платформы переносят контроль за территориальные и темпоральные рамки – потенциальной зоной наблюдения оказывается вся жизнь человека, окруженного смартфоном, интернетом вещей, умным домом и пр. Вместе с тем подобный цифровой надзор не «исправляет» человека, как было описано в фукианской модели, но постоянно его профилирует – собирает данные и выстраивает на их основе поведенческие модели.

В этой связи социальный теоретик Н. Срничек замечает, что «цифровая экономика становится моделью гегемонии: города должны стать “умными”, бизнес – прорывным, рабочие – гибкими, а правительства – бережливыми и “интеллектуальными”»; все эти изменения преподносятся как идеал, «легитимирующий современный капитализм», однако на деле платформизация экономических и социальных процессов обусловлена снижением уровня прибыльности в промышленности, которое и развернуло капитализм к данным [10, с. 11].

В подобном ключе, однако еще задолго до работы Срничека, рассуждает Д. Харви, согласно которому с начала 1970-х гг. в культурных и политико-экономических практиках западных стран наблюдаются существенные перемены, связанные со становлением нового цикла «временно-пространственного сжатия капитализма» и возникновением новых «способов переживания нами пространства и времени» [12, с. 41]. Кризис промышленного капитализма спровоцировал возникновение иного, «гибкого способа накопления», чем

объясняется развитие постиндустриального западного общества. В этом смысле возникновение цифровых платформ, открывающих для капитала новые рынки данных, оказывается логическим продолжением обозначенных процессов.

«Самопредпринимательство», о котором писал М. Фуко, посредством платформ сегодня встраивается в неолиберальную модель человека как бизнес-проекта, которая характеризуется постоянной нарциссической демонстрацией личной жизни ради социального одобрения в виде лайков. Происходит коммодификация человеческой личности, ее трансформация в бренд и товар. При этом отказ от подобных практик угождения алгоритмам и подписчикам приравнивается к цифровой смерти – все это тоже определенным образом контролирует современного человека.

Идеи М. Фуко своеобразно продолжает Ж. Делез. В небольшом эссе «P.S. к обществам контроля» он выдвигает гипотезу, согласно которой на смену дисциплинарным социальным институциям придет нечто более тотальное. Границы между семьей, школой, больницей и т.д. будут размыты, а контроль станет непрерывным [4]. В этом смысле цифровые платформы представляют собой воплощение делезианского общества контроля, ведь их алгоритмы в перманентном режиме воздействуют на информационный поток, социальные связи, вкусы и желания индивида. Новыми ключами и шифрами контроля оказываются электронные пароли, доступы, цифровые подписки и рейтинги.

В свою очередь, идеи М. Фуко и Ж. Делеза развивает современный социальный теоретик Б.-Ч. Хан, разрабатывая концепт «психополитики» [14]. В цифровую эпоху «умных» устройств и «умных» домов сама власть становится «умной». Пользователи добровольно отказываются от приватности, раскрывая аспекты своей личной жизни, поэтому практики власти реализуются через лайки и репосты, посредством которых осуществляется эксплуатация эмоций и коммуникаций. Похожие мысли высказывает Ф. Берарди, определяя современную эпоху как семиокапитализм, базирующийся на нейроэксплуатации – специфическом извлечении стоимости из интеллектуальной энергии человека [13].

Таким образом, современные концепции контроля демонстрируют трансформацию практик власти от внешнего принуждения к самоназору (самоконтролю, а также самопредпринимательству) посредством цифровых инструментов. При этом современный социальный контроль децентрализован и автоматизирован, тем самым оказываясь более скрытым и тотальным.

Структура платформенного контроля

Начальным уровнем контроля цифровых платформ выступает идентификация и доступ пользователя. Прежде всего человек вынужден принять определенные условия сервиса (Terms of Service, ToS) – документ, который редко кто-то читает полностью, согласно которому пользователь разрешает платформе осуществлять сбор данных, модерацию контента, возможность заблокировать аккаунт и пр. Подобный договор одновременно наделяет платформу статусом законодателя, исполнителя и судьи, поскольку она сама устанавливает нормы для «юзеров», а также определяет допустимое или недопустимое поведение.

Во-вторых, одним из наиболее мощных элементов контроля оказываются алгоритмы, определяющие контент и рекомендации. Они порождают информационные пузыри, подтверждающие взгляды пользователя и фильтрующие все, что может пошатнуть его точку зрения. В этом смысле контроль осуществляется не столько через цензуру, сколько через управление видимостью информации, ведь «лишний» контент оказывается невидимым для человека. Все это порождает поляризацию и атомизацию общества, где пользователи пребывают в «небольших уютных мирах», считая их за подлинную реальность. К тому же платформы регулярно управляют эмоциями пользователей: гнев и страх – наиболее «эффективные» реакции, удерживающие внимание и повышающие вовлеченность. Поэтому негативный контент зачастую распространяется намного быстрее позитивного, а алгоритмы, заточенные на удержание аудитории, способствуют распространению поляризующего контента, тем самым управляя эмоциональным климатом в обществе.

В-третьих, интерфейсы цифровых платформ регулярно направляют поведение пользователя посредством дизайна (поля «купить сейчас», «лайк», «поделиться» и т.д. обычно выделены намного ярче, чем отказ от подписки или настройки профиля, например, параметры приватности), механизмов геймификации и бесконечной ленты, которые вызывают у человека зависимость.

Для сохранения и приумножения вовлеченности платформы прибегают к методам из поведенческой психологии и даже нейробиологии: постоянные уведомления, лайки и комментарии активируют систему вознаграждения в человеческом мозге, а также формируют условные рефлексы пользователя. В этой связи популярной цифровой «болезнью» современности становится «FOMO» (fear of missing out) – страх упущенной

возможности пропустить что-то интересное, выраженный в тревоге, которую испытывает человек, если долго не заглядывает в приложение [9].

Помимо этого, платформы используют системы рейтингов и цифровых репутаций посредством оценок и отзывов. Они способны лишать человека доступа к своим сервисам, что равносильно социальной смерти субъекта, поскольку блокировка аккаунта означает утрату доступа к средствам и социальным связям.

Цифровые платформы в системе позднего капитализма

Социальный теоретик Ш. Зубофф называет доминирующую бизнес-модель современных крупных цифровых корпораций «надзорным капитализмом» [6]. В подобной логике существования платформ пользователь добровольно отдает свои данные в обмен на доступ к сервису. Ключевым понятием концепции Зубофф выступает «поведенческий излишек» – избыточные знания о пользовательском поведении, собираемые платформой. Подобные данные не нужны корпорациям для улучшения работы интерфейсов, но собираются для прогнозов поведения пользователей и продажи рекламодателям и другим интересантам. По этой причине контроль становится ключевым условием извлечения стоимости, ведь для того, чтобы сделать поведение юзера предсказуемым, его нужно сделать управляемым. Внимание пользователя в этой связи постоянно удерживается, а данные о нем в перманентном режиме собираются, чтобы прогнозная модель становилась все более точной.

Социальный контроль ежедневно испытывают на себе и работники платформенной экономики – водители такси, фрилансеры, курьеры и иные рабочие, считающиеся самозанятыми независимыми подрядчиками. Несмотря на формальный статус, фактически их труд регламентируется алгоритмами, определяющими ставку, маршрут, итоговую оценку выполненной работы. Работники не могут вступать с алгоритмами в переговоры, не имеют представления о логике принятия алгоритмами решений, тогда как цифровые платформы – наоборот, регулярно отслеживают их местоположение и даже эмоциональный фон. Вместе с тем надзорный капитализм трансформирует понятие собственности, ведь если раньше капитализм извлекал стоимость из наемного труда, то сегодня он эксплуатирует человеческий опыт, отраженный в данных [6].

Заключение

Платформенный формат охватывает все сферы общественной жизни. Платформизации подвергаются маркетплейсы, государственные услуги, социальные сети и пр. Размываются границы между корпоративным и государственным, финансовым и нефинансовым [7]. Однако перманентный рост цифровых платформ обусловлен и их сетевым эффектом, когда ценность платформы для одного пользователя возрастает по мере увеличения аудитории этой платформы [10]. Платформы стремятся к монополизации, поэтому постоянно увеличивают функционал и спектр предоставляемых услуг. По этой причине экономическая необходимость роста обуславливает проникновение платформенных форматов в сферы здоровья, образования, финансов, государственного управления, торговли и иные всевозможные аспекты жизни современного человека.

Наконец, помимо микроуровня контроля, есть и макроуровень воздействия цифровых платформ на государства и геополитический фон. Сегодня платформы становятся настоящим оружием на арене международных отношений, в связи с чем технологические гиганты западных стран справедливо рассматриваются другими акторами в качестве угрозы национальному суверенитету, ведь пользовательские данные, хранящиеся на серверах иностранных корпораций, вполне могут быть использованы для разведки, цифрового шпионажа, влияния на выборные процедуры [5].

Вместе с тем в процессе модуляции контента платформенные алгоритмы транслируют культурные и идеологические ценности, выступая элементом «мягкой силы». Поэтому государства, стремящиеся сохранить суверенность, вынуждены ограничивать глобальные сервисы, если те нарушают местное законодательство. В этой связи все большую актуальность получает идея отхода от единого сетевого пространства и формирование более узких цифровых блоков.

Контроль платформ в современных реалиях означает контроль нарративов, культурных кодов и паттернов поведения. Как отмечает медиатехнолог С.С. Уралов, благодаря развитию цифровых технологий информационные войны между государствами сегодня качественно изменились и превратились в когнитивные. В этих процессах невольно участвуют все пользователи социальных сетей, ежедневно потребляющие контент. Когнитивные войны нацелены на изменение мышления и психоэмоционального фона человека, осуществляющееся посредством когнитивных ударов, направленных на формирование антигосударственных настроений у пользователя [1, с. 237].

Таким образом, цифровые платформы сегодня демонстрируют гибридную форму социального контроля, включающую как элементы дисциплинарных практик власти, так и рыночного регулирования, неолиберальной этики и психологического манипулирования посредством алгоритмов. Обозначенные процессы протекают не только на уровне «корпорация-пользователь», но и на уровне международных отношений, побуждая человека и государство адаптироваться к новым условиям. Разумеется, «цифровой луддизм» в этой связи не выдерживает критики, ведь от платформ уже нельзя отказаться ни на уровне личности, ни на уровне государственного управления, что актуализирует проблему разработки механизмов регулирования цифровых платформ в России и мире.

Библиографический список:

1. Бурикова И.С. Политическая психология и когнитивные войны. Итоги работы круглого стола по политической психологии // Управленческое консультирование. 2025. № 6(192). С. 234-241.
2. Варуфакис Я. Технофеодализм. М.: Ad Marginem, 2025. 304 с.
3. Гавриленко О.В. Эпоха «надзорного капитализма»: новые формы власти цифровых платформ и манипулирование пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74-79.
4. Делез Ж. Переговоры. 1972-1990. СПб: Наука, 2004. 235 с.
5. Евстифеев Р.В. Иностранное вмешательство в национальные выборы в цифровую эпоху: постановка проблемы и перспективы исследований // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 3. С. 10-27.
6. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах на новых рубежах власти. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 781 с.
7. Набиуллина: платформенная экономика и экосистемы будут развиваться // Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26959615> (дата обращения: 14.04.2026).
8. Радаев В.В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15-28.
9. Скворцов К.В. Влияние синдрома упущенной выгоды на формирование зависимости от просмотра коротких видеороликов среди обучающихся юридических вузов города Владимира / К.В. Скворцов, К.Н. Курысев // Образование и право. 2026. №2. С. 627-631.

10. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 226 с.
12. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 576 с.
13. Berardi F. Precarious Rhapsody. London: Minor Compositions, 2009. 157 p.
14. Han B.-Ch. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. L.: Verso Books, 2017. 96 p.

Kravchenko A.L., Lomakin D.V. **Digital Platforms as a Mechanism of Social Control: A Sociological Aspect**

The article examines the parameters of digital platforms in the system of modern mechanisms of social control. It shows the specifics and structure of platform control. The article identifies the features of the functioning of digital platforms in the era of late («platform», «surveillance») capitalism. The article concludes that platform control is a hybrid phenomenon that combines elements of disciplinary power practices, market regulation, and algorithmic control of user behavior at the micro and macro levels.

Keywords: digital platforms, platform capitalism, social control, platform control, neoliberalism, digital surveillance, cognitive wars.

УДК 316.77:338.24:004

А.Б. Лучесвецкий

Цифровая коммуникация как инструмент управления в малых технологических компаниях: опыт применения теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса

Аннотация:

Исследуется роль цифровых инструментов коммуникации в управлении малыми технологическими компаниями (МТК). Показано, как теоретический аппарат коммуникативного действия Ю. Хабермаса позволяет осмыслить практику использования мессенджеров, трекеров задач и CRM-систем в качестве среды для формирования коллективного понимания и принятия решений. Методологическую основу исследования составляют концептуальный анализ и сравнительное описание практик цифровой коммуникации в инновационных командах. Выделены четыре ключевые функции цифровой коммуникации: координация, документирование, поддержание культуры и разрешение конфликтов. Сделан вывод о том, что цифровые инструменты могут выступать инфраструктурой, приближающей командное взаимодействие к идеальной речевой ситуации, при условии сознательного управленческого подхода к их применению.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, малые технологические компании, инновационный менеджмент, теория коммуникативного действия, Ю. Хабермас, коммуникативная рациональность, управление командой.

Об авторе: Лучесвецкий Александр Борисович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, магистрант кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл.почта: luch_ab@bk.ru

Научный руководитель: Багдасарян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры Социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

Цифровая трансформация затронула не только крупные корпорации, но и малые технологические компании (МТК), для которых качество внутренних коммуникаций нередко определяет саму возможность выживания на конкурентном рынке. В условиях распределенных команд, быстрого принятия решений и постоянной генерации новых идей вопрос о том, как устроена коммуникация внутри инновационной компании, приобретает стратегическое значение.

Вместе с тем большинство менеджеров подходят к выбору и использованию цифровых инструментов прагматически – как к техническим решениям, не осмысляя их коммуникативную природу. Нам же представляется актуальным взгляд на эту проблему через призму теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса – социально-философской концепции, разработанной в 1981 г., сохраняющей высокий аналитический потенциал применительно к современным управленческим практикам [4].

Проблематика цифровой коммуникации в управлении инновациями активно разрабатывается в последние годы. В исследованиях, посвященных трансформации организационных коммуникаций в эпоху цифровизации, фиксируется устойчивый сдвиг от иерархических к сетевым моделям взаимодействия, при которых скорость и качество обмена информацией становятся ключевыми факторами конкурентоспособности [5]. Есть обоснованное мнение, что именно информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволяют малым и средним предприятиям адаптироваться к быстро меняющимся условиям, выстраивать партнерские сети и снижать транзакционные издержки [6].

В российской науке развитие командного взаимодействия в стартапах и инновационных компаниях изучается в контексте кросс-функционального подхода к управлению проектами: установлено, что эффективность стартапа напрямую зависит от качества горизонтальных коммуникаций между участниками [1]. Параллельно исследуются цифровые инструменты как фактор формирования и поддержания сплоченности в виртуальных командах: авторы выделяют роль мессенджеров и проектных платформ в создании общего информационного пространства и снижении коммуникационных барьеров [3]. В недавнем исследовании, посвященном коммуникациям в технологических стартапах, подчеркивается, что цифровая среда требует от руководителей не только технической, но и метакоммуникативной компетентности – способности осознанно проектировать каналы взаимодействия [2].

В зарубежной литературе теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса применяется к анализу управленческих практик в рамках концепции «политической корпоративной ответственности»: А. Шерер и Г. Палаццо показали, что хабермасовская модель дискурсивного согласования позволяет переосмыслить роль компании как участника публичных дискуссий [7]. Кроме того, теория коммуникативного действия была применена к анализу информационных систем как среды рационального дискурса: показано, что такие системы обладают потенциалом поддержки подлинного коммуникативного взаимодействия, однако только при условии специального проектирования и управления [8].

Таким образом, несмотря на значительный интерес исследователей к отдельным аспектам цифровой коммуникации и менеджмента инноваций, комплексное рассмотрение цифровых инструментов МТК через призму хабермасовской теории остается малоизученной областью, что определяет актуальность настоящей статьи.

Теория коммуникативного действия как аналитическая оптика

Ю. Хабермас противопоставляет два типа действия: инструментальное (ориентированное на достижение заранее заданной цели) и коммуникативное (ориентированное на взаимопонимание) [4]. В управлении эта дихотомия проявляется в том, как устроены рабочие обсуждения: идут ли они по сценарию «продать решение» или по логике «найти лучший аргумент».

Ключевым понятием теории выступает идеальная речевая ситуация – условие, при котором участники обсуждения равноправны, каждый может задать вопрос и оспорить любое утверждение, а единственным критерием принятия решения служит сила аргумента, а не статус говорящего. Это, разумеется, идеальный конструкт; реальные коммуникации всегда от него отклоняются. Однако он служит важным нормативным ориентиром: насколько коммуникация в команде приближается к этому идеалу – настолько она обеспечивает качественное коллективное принятие решений.

Понятие коммуникативной рациональности у Хабермаса тесно связано с достижимостью взаимопонимания: рациональным становится не то, что выгодно одному агенту, а то, что может быть обосновано для всех участников коммуникации [4]. В контексте МТК это означает, что культура открытого обсуждения – не просто «мягкий» фактор, а основа для принятия более качественных управленческих решений.

Цифровые инструменты МТК: коммуникативная природа

Современные МТК используют разнообразный стек цифровых инструментов: мессенджеры, трекеры задач, системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), видеоконференц-платформы. Каждый из этих инструментов формирует определенную коммуникативную среду с собственными правилами, скоростью и форматом обмена сообщениями [5].

С позиций теории коммуникативного действия важно понять, какие из этих инструментов приближают командное взаимодействие к идеальной речевой ситуации, а какие – напротив, воспроизводят инструментальную логику (контроль, давление, асимметрию информации). При этом использование компьютерно-опосредованных коммуникаций само по себе не гарантирует качественного взаимодействия: решающую роль играет организационный контекст и управленческая воля к созданию условий для равноправного обмена [8].

Функции цифровой коммуникации в МТК

Анализа практики МТК позволяет выделить четыре ключевые коммуникативные функции цифровых инструментов:

1. **Координация.** Трекеры задач и Agile-доски обеспечивают видимость загруженности каждого участника, прозрачность статуса задач и распределение ответственности. Daily stand-ups в формате коротких синхронных или асинхронных обновлений позволяют команде поддерживать общее понимание текущего состояния проекта [1]. С точки зрения концепции Ю. Хабермаса, это приближает команду к ситуации равного доступа к информации – необходимому условию коммуникативной рациональности.

2. **Документирование решений.** Фиксация договоренностей в письменном виде решает проблему «потери памяти» команды и снижает число конфликтов, возникающих из-за разного понимания принятых решений [8]. Документирование выполняет функцию, близкую к хабермасовскому понятию «обоснования»: решение становится видимым и, соответственно, оспариваемым.

3. **Поддержание культуры.** Неформальные каналы создают условия для поддержания доверия и ощущения причастности, особенно важного в распределенных командах. Это соответствует хабермасовскому вниманию к концепту «жизненного мира» как основе коммуникативного действия: без неформального доверия продуктивный рабочий диалог становится затрудненным.

4. Разрешение конфликтов. В МТК конфликты чаще всего возникают из-за неясности приоритетов, расхождения ожиданий или информационной асимметрии [2]. Цифровые инструменты могут как обострять эти конфликты (эффект «эхо-камеры» в мессенджерах, агрессивная тональность письменного общения), так и создавать пространство для их конструктивного разрешения – через ad hoc-встречи, асинхронные обсуждения или структурированные ретроспективы.

Дисфункции и ограничения

Цифровая коммуникация несет в себе и специфические риски, которые с хабермасовской точки зрения представляют собой «системное давление» на коммуникативное действие:

1. информационная перегрузка: избыток уведомлений и каналов ведет к снижению качества внимания и поверхностному восприятию сообщений;
2. асимметрия видимости: в асинхронных каналах более активные (или технически грамотные) участники получают непропорционально большое влияние;
3. замещение диалога мониторингом: трекеры задач, используемые как инструменты контроля, а не координации, воспроизводят инструментальную рациональность и подавляют инициативу;
4. потеря невербального контекста: письменные сообщения лишены интонации и мимики, что повышает риск неверной интерпретации [7].

На основе проведенного анализа можно сформулировать управленческие рекомендации для руководителей МТК. Прежде всего, следует разграничивать инструменты по типу коммуникации. Мессенджер – для оперативной координации; трекер – для фиксации решений; встречи – для сложных обсуждений, требующих диалога. Во-вторых, необходимо создавать структуры для равноправного участия, поскольку ретроспективы, анонимные опросы и открытые каналы для предложений снижают барьеры для высказывания несогласия. Не менее важной рекомендацией выступает документация и фиксация задач и их обоснования (причин), что повышает доверие к процессу. Наконец, необходимо контролировать информационную нагрузку, ведь нормирование уведомлений и введение «тихих часов» снижает перегрузку и повышает качество присутствия в коммуникациях [6].

Заключение

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса предлагает практически применимую оптику для анализа цифровой коммуникации в МТК. Понятия коммуникативной рациональности и идеальной речевой ситуации позволяют не просто описывать используемые инструменты, но и оценивать их с точки зрения того, способствуют ли они выработке коллективно разделяемых решений или, напротив, закрепляют инструментальную логику управления [4].

Выделенные функции цифровой коммуникации – координация, документирование, поддержание культуры и разрешение конфликтов – могут служить основой для рефлексивного подхода руководителя к выбору и настройке цифровых инструментов. При этом важно осознавать, что сами по себе технологии не гарантируют качественной коммуникации, поскольку необходима управленческая позиция, которая целенаправленно создаст условия для равноправного обсуждения, фиксации обоснованных решений и поддержания доверия в команде. Таким образом, дальнейшее развитие МТК в цифровой среде требует не только технической компетентности, но и коммуникативной грамотности руководителей, способных проектировать цифровую инфраструктуру как пространство, приближающее командное взаимодействие к идеалу коммуникативной рациональности.

Библиографический список:

1. Антонов С.В. Горизонтальные коммуникации в инновационных командах: опыт российских стартапов / С.В. Антонов, Н.А. Медведева // Экономика и управление. 2023. № 3. С. 78-87.
2. Быков И.А. Коммуникативная компетентность менеджера технологической компании в условиях цифровизации / И.А. Быков, О.А. Никифорова // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 53-62.
3. Кравченко А.Л. «Теория мертвого интернета» как феномен современной цифровой культуры / А.Л. Кравченко, Ю.А. Волчкова // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2025. № 3. С. 3-11.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Весь Мир, 2022. 880 с.

5. Balint B. Digital Communication and Organizational Change: Shifting from Hierarchical to Network Interaction Models / B. Balint, F. Farkas // Journal of Organizational Change Management. 2022. Vol. 35, No. 2. Pp. 301-318.

6. Popescu C. ICT Adoption in Small and Medium Enterprises: Opportunities and Challenges / C. Popescu, M. Comanescu // Sustainability. 2021. Vol. 13, No. 9. Art. 4756.

7. Scherer A. Toward a Political Conception of Corporate Responsibility: Business and Society Seen from a Habermasian Perspective / A. Scherer, G. Palazzo // Academy of Management Review. 2007. Vol. 32, No. 4. Pp. 1096-1120.

8. Van den Hooff B. Committed to Share: Commitment and CMC Use as Antecedents of Knowledge Sharing / B. Van den Hooff, F. de Leeuw van Weenen// Knowledge and Process Management. 2004. Vol. 11, No. 1. Pp. 13-24.

Luchesvetskiy A.B. Digital Communication as a Management Tool in Small Technology Companies: Applying Habermas's Theory of Communicative Action

The article examines the role of digital communication tools in the management of small technology companies (STCs). The aim is to demonstrate how the theoretical framework of Jürgen Habermas's theory of communicative action helps to conceptualise the use of messengers, task trackers and CRM systems as an environment for collective sense-making and decision-making. The methodology combines conceptual analysis and comparative description of digital communication practices in innovative teams. As a result, four key functions of digital communication are identified: coordination, documentation, culture maintenance and conflict resolution. The conclusion is that digital tools can serve as an infrastructure approximating team interaction to the ideal speech situation, provided they are applied with a deliberate managerial approach.

Keywords: digital communication, small technology companies, innovation management, theory of communicative action, Habermas, communicative rationality, team management.

УДК 130.2:004.8

М.Ю. Васильева

Трансформация авторства в постгуманистическом тренде

Аннотация:

Постгуманизм представляет собой направление современной философской и культурологической мысли, смещающее исследовательский фокус с центральной позиции человека на сети взаимодействий между людьми, технологиями, биологическими системами и окружающей средой. В таких условиях традиционная модель авторства как интеллектуальной собственности отдельного творца подвергается существенной трансформации. Развитие искусственного интеллекта, цифровых сетей и биотехнологий создает новые формы культурного производства, в которых участие принимают как люди, так и технологические системы. В результате формируется гибридная модель субъекта авторства, включающая распределенные и коллективные формы творческой деятельности. В статье рассматривается эволюция представлений об авторстве от классической гуманистической модели через концепцию «смерти автора» к постгуманистическим подходам; анализируются технологические и культурные факторы трансформации творческого процесса, а также правовые и этические проблемы, возникающие в условиях распространения алгоритмического творчества.

Ключевые слова: постгуманизм, авторство, искусственный интеллект, коллективное творчество, цифровые сети, право интеллектуальной собственности, этика творца.

Об авторе: Васильева Мария Юрьевна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: vasilevamyu@student.bmstu.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры Социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Введение

В 2023 г. Крис Каштанова подала заявку на регистрацию авторских прав на графический роман, созданный при помощи нейросети Midjourney. Бюро авторского права США частично отказало ей в защите: отдельные изображения, сгенерированные алгоритмом, были признаны не охраноспособными, поскольку оказались лишены человеческого авторского вклада [3]. В том же году Getty Images подала иск против Stability AI, обвинив компанию в несанкционированном использовании миллионов фотографий для обучения нейросети. Число судебных разбирательств в сфере ИИ в России, по данным RTM Group, за период с марта 2023 по март 2024 г. выросло почти на 60% [6]. Эти прецеденты – симптомы системного кризиса: право интеллектуальной собственности, складывавшееся столетиями, столкнулось с реальностью, для которой у него нет готовых ответов.

Проблема авторства занимает важное место в истории философии, культурологии и права интеллектуальной собственности. В гуманистической традиции автор рассматривался как индивидуальный субъект творчества, обладающий уникальной способностью создавать оригинальные произведения искусства, литературы и науки. Такая модель сформировала основы современного института авторского права, предполагающего наличие конкретного субъекта, обладающего исключительными правами на созданное произведение.

Однако в конце XX – начале XXI вв. происходят существенные изменения в условиях культурного производства. Развитие цифровых технологий, глобальных коммуникационных сетей и систем искусственного интеллекта приводит к появлению новых форм творческой деятельности, в которых произведение создается в результате взаимодействия множества участников и технологических систем. Эти процессы ставят под сомнение традиционное представление об авторе как единственном источнике произведения.

Теоретическое осмысление подобных изменений связано с развитием постгуманистической философии, в рамках которой человек рассматривается не как центр культурной и технологической реальности, а как один из элементов сложных сетевых взаимодействий между природой, техникой и обществом [4]. В этом контексте возникает необходимость переосмысления самой категории авторства и анализа новых форм творческого производства.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет совокупность философских и культурологических подходов. Во-первых, применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию концепции авторства от гуманистической парадигмы через постструктуралистскую критику к постгуманистическим моделям. Во-вторых, используется сравнительный анализ правовых систем и судебных прецедентов, связанных с регулированием произведений, созданных ИИ. В-третьих, привлекаются элементы акторно-сетевой теории Б. Латура, рассматривающей агентность как свойство, распределенное между человеческими и нечеловеческими участниками сетей взаимодействия [7]. Такой подход позволяет анализировать авторство не как атрибут изолированного субъекта, а как функцию социотехнического ансамбляжа.

Степень разработанности проблемы

Проблема трансформации авторства в условиях цифровых технологий и постгуманистической парадигмы разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной науке, однако в России данное направление остается сравнительно молодым [1].

В зарубежной социальной и культурной теориях ключевые теоретические основания заложены постструктуралистами. Так, в работе «Смерть автора» (1967) Р. Барт провозгласил децентрацию фигуры творца: смысл текста рождается не в момент создания, а в акте чтения, что превращает автора из источника значения в одну из его функций [10]. М. Фуко развил эту идею в концепции «функции автора» (1969), описав авторство как дискурсивный механизм классификации и легитимации текстов, а не как выражение творческой индивидуальности [11]. Именно эти работы стали теоретической предтечей постгуманистических концепций распределенного творчества.

Постгуманистическая рамка для анализа авторства выстраивается прежде всего в трудах англоязычных исследователей. Д. Харауэй в «Манифесте киборга» (1991) показала, как слияние биологического и технологического подрывает антропоцентрическую модель субъекта [13]. Н. Хейлз в работе «Как мы стали постгуманными» (1999) прослеживает, каким образом кибернетика и информатика переопределяют телесность и субъектность, ставя под вопрос автора как воплощенное сознание [14]. Эти работы формируют исходный теоретический горизонт настоящего исследования.

В области правового регулирования значимым выступает исследование А. Нойбауэра, М. Уинн и Р. Боуна «AI, authorship, copyright, and human originality» (2026), в

котором показано, что все действующие правовые системы сохраняют антропоцентрическое требование к авторству, тогда как алгоритмическое творчество разрушает его эмпирическое основание [3]. П. Гудфеллоу в статье «The distributed authorship of art in the age of AI» (2024) предлагает модель распределенного авторства как альтернативу индивидуальной собственности [12].

В отечественной науке постгуманизм как философская проблема стал предметом систематического изучения сравнительно недавно. Ключевую роль здесь играют работы А.И. Криман: в статье «Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса» (2023) исследуется связь между постгуманистическими концептами и практиками современного постконцептуального искусства; статья «Феномен творчества в эпоху искусственного интеллекта» (2024) посвящена философскому анализу авторства и аутентичности в условиях генеративных нейросетей [5; 6].

В 2024 г. А.И. Криман защитила диссертацию «Исток и смысл постгуманизма в социально-философском контексте» в МГУ имени М.В. Ломоносова, что само по себе свидетельствует о конституировании постгуманизма как самостоятельной области философских исследований [4]. В работах Д.Е. Богданова «Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности» (2024) рассматриваются правовые противоречия, возникающие при попытке вписать ИИ-творчество в действующее законодательство [2]. Таким образом, несмотря на значительный массив работ по смежным темам, комплексный анализ трансформации авторства с привлечением постгуманистической философии, актуальной судебной практики и сравнительного правоведения остается недостаточно разработанным – особенно в российском научном дискурсе.

Постгуманизм и переосмысление субъекта творчества

Постгуманизм представляет собой философское направление, ориентированное на критическое переосмысление антропоцентризма. В отличие от гуманистической традиции, постгуманизм рассматривает человека как часть более широких техносоциальных и биологических систем. Одним из ключевых концептуальных образов постгуманистической мысли становится фигура киборга, объединяющая биологические и технологические элементы. Эта метафора демонстрирует размывание границ между человеком и

технологическими системами и подчеркивает взаимосвязанность биологических и технических процессов [8].

В рамках подобной парадигмы изменяется и понимание творческой деятельности. Создание культурных текстов и художественных образов рассматривается как результат взаимодействия различных агентов – людей, технологий и информационных сред. В результате авторство начинает восприниматься не как индивидуальная характеристика субъекта, а как функция сложной сети взаимодействий.

Критика традиционной модели авторства

Классическая концепция авторства, сформировавшаяся в европейской культуре Нового времени, основывалась на представлении о творце как уникальной личности, создающей произведение на основе собственного внутреннего опыта. Однако уже во второй половине XX в. такая модель была подвергнута критическому анализу. Согласно постструктуралистским теориям, текст не может рассматриваться исключительно как продукт индивидуального сознания автора – он формируется в результате взаимодействия множества культурных кодов, традиций и интертекстуальных связей [5].

Технологические факторы трансформации авторства

Современные технологические изменения оказывают существенное влияние на процессы культурного производства. Развитие искусственного интеллекта позволяет алгоритмам генерировать тексты, изображения и музыкальные композиции, что ставит под вопрос традиционные критерии авторского творчества. Алгоритмические системы функционируют на основе анализа больших массивов данных, созданных людьми, однако результаты их работы нередко обладают элементами новизны и самостоятельности. В результате возникает вопрос о том, в какой степени такие системы могут рассматриваться как участники творческого процесса [3].

Подобные процессы были предвосхищены в экспериментах сетевого искусства, где произведение создается в результате взаимодействия множества участников, связанных цифровыми коммуникационными сетями. В этих художественных практиках авторская роль рассеивается между различными элементами системы, включая зрителей, техническую инфраструктуру и самих художников [2]. Дополнительные изменения наблюдаются и в сфере биотехнологий, где художественные проекты могут включать взаимодействие человека с живыми организмами и биологическими процессами. Подобные

практики демонстрируют расширение границ творческой деятельности и усложнение вопроса о субъекте авторства.

Коллективное и распределенное творчество

Цифровая культура способствует распространению коллективных форм творчества. Интернет-платформы и сетевые сообщества позволяют создавать произведения в процессе взаимодействия большого количества участников, не имеющих фиксированной иерархии. В этих условиях произведение формируется как результат совместной деятельности множества авторов, а границы индивидуального вклада становятся менее очевидными. В современной теории искусства такие процессы описываются понятием распределенного авторства, предполагающим участие различных агентов в создании культурного продукта [7]. Такого рода модели творчества требуют пересмотра традиционных представлений о субъекте авторского права и механизмах распределения интеллектуальной собственности.

Правовые и этические проблемы

Трансформация авторства порождает ряд острых юридических вопросов, которые уже перестали быть абстрактно-академическими. Действующее законодательство большинства стран закрепляет антропоцентрическое требование: автором может быть только физическое лицо. Иначе говоря, произведение, созданное ИИ без прямого творческого вклада человека, формально оказывается «бесхозным»: оно не охраняется авторским правом, не может быть ни присвоено разработчиком системы, ни защищено пользователем.

Суды, однако, уже вырабатывают на этот вопрос практические ответы, порой расходящиеся между собой. Так, тринадцатый арбитражный апелляционный суд России в постановлении от 6 февраля 2024 г. по делу № А42-3966/2023 отклонил довод ответчика о том, что спорное изображение было сгенерировано нейросетью и потому не может быть объектом авторского права [6]. В Китае Пекинский интернет-суд еще в 2019 г. признал статью, сгенерированную системой Dreamwriter компании Tencent, объектом авторского права, закрепив права за юридическим лицом – ее разработчиком.

Проблема осложняется еще одним измерением: данные, на которых обучаются нейросети, сами оказываются объектами чужого авторского права. Иски, в том числе дело «The New York Times Company v. Microsoft Corporation et al.», а также коллективный иск «Authors Guild et al. v. OpenAI Inc. et al.», в котором участвуют Дж. Гришэм, Дж. Р. Р. Мартин и еще ряд известных писателей, актуализируют проблему правомерности

использования охраняемых произведений при обучении моделей искусственного интеллекта без получения лицензии и выплаты вознаграждения [15; 9]. Это означает, что кризис авторского права в эпоху ИИ имеет два уровня: на входе (обучающие данные) и на выходе (сгенерированный контент).

Правовые системы движутся в нескольких направлениях, ни одно из которых пока не стало универсальным решением. Первый вариант – требование о «минимальном творческом вкладе» человека как условия охраноспособности. В США применяют именно его, промпты принадлежат человеку и могут охраняться, а финальная генерация – нет. Второй вариант – конструкция «работодательского авторства»: права на ИИ-произведение передаются юридическому лицу, владеющему системой. Японское Министерство культуры в 2022 г. предложило оценивать степень творческого вклада пользователя при определении авторства. Третий вариант, обсуждаемый в российской Госдуме, – введение специальной категории «произведения, созданного с использованием ИИ», с дифференцированным объемом охраны в зависимости от степени человеческого участия. Этот путь, несмотря на политическую сложность, выглядит наиболее перспективным: он сохраняет стимулы для инвестиций в ИИ-разработку, не отрицает реальности алгоритмического творчества и создает предсказуемые правила для всех участников рынка.

Этические проблемы не менее остры. Использование произведений живых авторов без их согласия для обучения нейросетей затрагивает не только имущественные, но и личные неимущественные права – право на авторскую репутацию, на целостность произведения. Голливудская забастовка 2023 г., в числе требований которой была защита от угроз со стороны ИИ, показала, что эти проблемы выходят за рамки академического дискурса: они затрагивают занятость, рынки творческого труда и власть над культурным производством.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в условиях постгуманистической культуры происходит постепенная трансформация традиционного понимания авторства. Классическая модель индивидуального творца, сформированная в рамках гуманистической традиции, оказывается недостаточной для описания современных форм культурного производства.

Развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта и сетевых коммуникаций приводит к формированию новых моделей творчества, основанных на

взаимодействии множества агентов. В таких условиях производство культуры становится результатом коллективной и распределенной деятельности, а фигура автора трансформируется из индивидуального субъекта в элемент сложной системы культурного производства.

Правовые системы оказываются в ситуации структурного отставания: созданные под антропоцентрические предпосылки, они с трудом адаптируются к реальности, в которой творческий процесс распределен между человеком и алгоритмом. Накапливающаяся судебная практика – в США, России, Китае – демонстрирует отсутствие консенсуса и острую потребность в новых нормативных конструкциях. Наиболее перспективным представляется путь дифференцированного регулирования, учитывающего степень человеческого творческого участия в создании произведения. Новые процессы, характерные для современного общества и культуры, требуют дальнейшего философского и правового осмысления. Разработка адекватных теоретических моделей авторства и адаптация институтов интеллектуальной собственности становятся важной задачей современных социогуманитарных исследований.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н.Г. Багдасарьян, А.Л. Кравченко // Логос. 2022. Т. 32, № 6(151). С. 245-272.
2. Богданов Д.Е. Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 1. С. 32-53.
3. Искусственный интеллект в законодательной и судебной практике: анализ мер государственного регулирования. М.: RTM Group, 2024. URL: <https://rtmtech.ru/research/ii-v-zakonodatelnoj-praktike/> (дата обращения: 18.03.2026).
4. Криман А.И. Исток и смысл постгуманизма в социально-философском контексте: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.7. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. 178 с.
5. Криман А.И. Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса в пространстве визуального // Наука телевидения. 2023. № 19 (3). С. 21-41.

6. Криман А.И. Феномен творчества в эпоху искусственного интеллекта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2024. № 2. С. 45-62.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
8. Ascott R. Telematic Embrace: Visionary Theories of Art, Technology, and Consciousness / ed. by E. A. Shanken. Berkeley: University of California Press, 2003. 439 p.
9. Authors Guild et al. v. OpenAI Inc. et al. U.S. District Court, S.D.N.Y. Case No. 1:23-cv-08292-SHS, filed Sept. 19, 2023. URL: <https://www.courtlistener.com/docket/67558308/> (дата обращения: 18.03.2026).
10. Barthes R. The death of the author // Aspen. 1967. No. 5-6. Pp. 3-7.
11. Foucault M. What is an author? // Bulletin de la Société Française de Philosophie. 1969. Vol. 63, No. 3. Pp. 73-104.
12. Goodfellow P. The distributed authorship of art in the age of AI // Arts. 2024. Vol. 13, No. 5. Art. 149.
13. Haraway D. A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. Pp. 149-181.
14. Hayles N. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 364 p.
15. The New York Times Company v. Microsoft Corporation et al. U.S. District Court, S.D.N.Y. Case No. 1:23-cv-11195-SHS, filed Dec. 27, 2023. URL: <https://www.courtlistener.com/docket/68117049/> (дата обращения: 18.03.2026).

Vasilyeva M. Yu. **The transformation of authorship in the posthumanist trend**

Posthumanism is a trend of modern philosophical and cultural thought that shifts the research focus from the central position of man to the network of interactions between people, technologies, biological systems and the environment. In such conditions, the traditional model of authorship as the intellectual property of an individual creator is undergoing a significant transformation. The development of artificial intelligence, digital networks, and biotechnology creates new forms of cultural production involving both humans and technological systems. As a

result, a hybrid model of the subject of authorship is formed, including distributed and collective forms of creative activity. The article examines the evolution of ideas about authorship from the classical humanistic model through the concept of the "death of the author" to posthumanistic approaches; analyzes the technological and cultural factors of the transformation of the creative process, as well as legal and ethical problems arising in the context of the spread of algorithmic creativity.

Keywords: posthumanism, authorship, artificial intelligence, collective creativity, digital networks, intellectual property law, ethics of the creator.

УДК 008

М.А. Конева, Ю.В. Григорьев

Лжесоавторы изобретений как институциональное явление

Аннотация:

Анализируется влияние лжесоавторства на функционирование патентной системы. Фиктивное соавторство приводит к снижению мотивации разработчиков патентов, увеличению транзакционных издержек, а также ухудшению инвестиционной привлекательности технологий. Установлено, что институциональными причинами лжесоавторства выступают метрико-ориентированная система оценки, административно-иерархическая организация управления и человеческий фактор. Усугубляют это явление и проблемы, связанные с подбором и расстановкой кадров, которые затрудняют выявление способных изобретателей, и облегчают продвижение по службе лицам с невысокими деловыми качествами и технологическим развитием.

Ключевые слова: патентное право, изобретения, лжесоавторство, интеллектуальная собственность, изобретательская деятельность.

Об авторах: Конева Марина Александровна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, магистр кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: makoneva.2603@yandex.ru

Григорьев Юрий Васильевич, МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат технических наук, доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл. почта: elhydra@yandex.ru

Введение

Современная экономика знаний базируется на институционально устойчивой системе правовой защиты результатов изобретательской деятельности. Патентное право, юридически охраняя изобретения, создает экономический механизм распределения инновационной ренты, формирует стимулы к разработке новых технических решений.

Система производства знаний неоднородна по своей институциональной природе и включает, по меньшей мере, три различных типа творческой деятельности: научную,

изобретательскую и литературную. Каждая из них характеризуется собственной логикой формирования результата и, соответственно, различными критериями авторства.

Природа соавторства

В научной деятельности результат формируется, как правило, в рамках коллективного исследовательского процесса. Он включает постановку задачи, проведение экспериментов, обработку данных, интерпретацию результатов и их публикацию. В этих условиях соавторство носит функционально обусловленный характер: участие в любом из перечисленных этапов может рассматриваться как вклад в создание научного результата. Именно поэтому в научной публикационной практике допустимы различные формы коллективного авторства, включая участие научных руководителей, организаторов экспериментов и исполнителей отдельных этапов исследований.

В литературной деятельности результат представляет собой целостный текст, формируемый в процессе длительной индивидуальной или коллективной работы. Здесь соавторство связано с совместным созданием произведения и может включать редакторскую, композиционную и стилистическую переработку текста.

Изобретательская же деятельность имеет принципиально иную природу. Ее результатом выступает неочевидное решение технической задачи, обладающее новизной и практической применимостью. Ключевая особенность состоит в том, что сущность изобретения может быть выражена в предельно краткой форме и возникает как результат индивидуального творческого акта. Нередко техническое решение формулируется в виде лаконичной идеи, тогда как последующая инженерная проработка, приближая момент практического применения, ничего не добавляет к существу технического решения, как положенной в его основу идеи. В отличие от науки, участие в экспериментальной, организационной или вспомогательной деятельности не образует соавторства в смысле патентного права.

В последнее десятилетие феномен фиктивного соавторства, то есть включения в число авторов лиц, не принимавших творческого участия в создании результата, стал активно обсуждаться в научной среде. Были выделены такие категории лжесоавторства, как почетное, гостевое, взаимное, административное, дружеское и принудительное соавторство. Исследования в области публикационной этики показывают, что распространение лжесоавторства обусловлено наукометрическим давлением, карьерными стимулами и иерархической организацией научной среды [6, с. 82].

В частности, система наукометрических показателей способствует распространению фиктивного соавторства, поскольку не просто фиксируют научную активность, но и формирует поведенческие модели исследователей, стимулирует количественное наращивание результатов, в том числе за счет искусственного расширения авторских коллективов [1, с. 39]. В частности, использования индекса Хирша в качестве показателя значимости научных исследований стимулирует не только лжесоавторство, но и дружественное взаимное цитирование. Использование количественных показателей формирует устойчивые стимулы к увеличению числа публикаций и патентов, в том числе за счет недобросовестных практик, приводит к искажению оценки научной деятельности [5, с. 419-420].

В исследованиях социокультурных аспектов инновационного развития указывается на устойчивое несоответствие между формальными индикаторами научной результативности и фактическим производством знаний. В этих условиях патент все чаще выполняет не только функцию юридической защиты технического решения, но и начинает выступать в качестве символического индикатора научного статуса, используемого в системах академической и административной оценки.

С правовой точки зрения включение в состав соавторов лиц, не внесших творческого вклада, противоречит базовым положениям института авторства. В соответствии со статьей 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) автором результата интеллектуальной деятельности признается лицо, творческим трудом которого создан данный результат [2]. Аналогичный подход закреплен в ст. 1347 ГК РФ применительно к объектам патентного права. Определяющим критерием соавторства оказывается наличие личного творческого вклада в формирование существенных характеристик произведения или технического решения.

Такой подход имеет исторические основания. В мире и в нормативных актах начального советского периода изобретатель рассматривался, прежде всего, как индивидуальный субъект творческой деятельности [3]. Выражение «автор изобретения» употреблялось преимущественно в единственном числе, что отражало представление о персонализированном характере изобретательского творчества. Позднейшее развитие законодательства, в частности Положение 1973 г. уже относилось к соавторству как к обычному явлению, но вместе с тем требовало включения в состав заявочных документов справки о творческом участии каждого из соавторов в создании изобретения [9]. Тем самым

законодатель прямо фиксировал, что соавторство допустимо исключительно при наличии индивидуального творческого вклада.

Границы соавторства

Различие между научным и изобретательским соавторством носит принципиальный характер. В науке соавторство отражает участие в процессе получения знания, тогда как в изобретательстве – исключительно создание технического решения. Подмена этих критериев приводит к систематическим нарушениям правового режима охраны результатов интеллектуальной деятельности. Формируется практика расширения состава авторов патентных заявок. В нее включаются руководители подразделений, научные руководители, а также административные сотрудники, чье участие носит опосредованный характер. Подобные действия закрепляются как неформальная норма в научной среде, что связано с общими проблемами академической этики и девальвацией профессиональных стандартов [7, с. 134-135].

Аналогичные процессы наблюдаются и в научно-промышленных организациях. Там, где количество патентов используется как индикатор эффективности, формируется стимул к расширению состава авторов независимо от их фактического вклада в разработку. Проблема соавторства приобретает системный характер и влияет на достоверность статистики научной результативности [5, с. 416-417].

В отличие от научной публицистики, в патентной сфере решающее значение приобретает экономический фактор, поскольку при получении патента организация выплачивает соавторам поощрительное вознаграждение за создание объекта патентного права. Размер этого вознаграждения сравнительно невелик, что формирует практики его «распределения» между сотрудниками. Однако ситуация принципиально меняется при коммерциализации изобретения, когда возникает необходимость делить доход от его использования, что обостряет конфликт интересов между реальными и фиктивными авторами. Включение в соавторы лиц, выполняющих исключительно организационные или административные функции, рассматривается как нарушение норм научной этики, а в патентной сфере приобретает дополнительное значение как посягательство на экономические интересы автора.

Исследования в области социологии науки показывают, что подобные практики связаны с воспроизводством «эффекта Матфея», при котором признание и символический капитал распределяются неравномерно в пользу участников с более высоким статусом.

Включение в число авторов изобретений лиц, не внесших творческого вклада, создает юридические риски. Указание в качестве автора лица, не являющегося таковым, согласно пп. 5 п. 1 ст. 1398 ГК РФ может служить основанием для признания патента недействительным. Потенциальные инвесторы или лицензиаты с подозрением относятся к патентам с большим числом соавторов, обоснованно полагая их менее надежными.

Цена лжесоавторства

По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, уровень использования и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в России остается низким и составляет лишь незначительную долю от общего числа зарегистрированных разработок, что свидетельствует о невысоком качестве новых изобретений [8, с. 312]. И лжесоавторство в этом тоже виновато, ведь многие изобретения патентуют с целью повышения престижа, а не для защиты ценных технических решений.

Практика расширения состава авторов без реального творческого вклада, имея не только этическое, но и институциональное значение, усложняет процессы распоряжения патентом, увеличивает транзакционные издержки и снижает достоверность наукометрических показателей [7, с. 137]. Для результатов творческого труда, включая изобретения, в большинстве случаев характерно наличие одного подлинного автора, однако множественное соавторство часто связано не с коллективным созданием технического решения, а с включением лиц, не внесших непосредственного творческого вклада [4, с. 53].

Таким образом, лжесоавторство следует рассматривать не только как частное нарушение профессиональной этики, но и как следствие действия институциональных стимулов, встроенных в существующую систему научно-технической деятельности. Метрико-ориентированные модели оценки, несовершенство наукометрических инструментов и административная иерархия создают условия для устойчивого воспроизводства подобных практик.

Патентная реальность

Для оценки масштабов этого явления был проведен анализ авторского состава патентов трех научно-технических организаций: НИЦ «Курчатовский институт», НИТУ «МИСиС» и ВНИИЭМ. Исследование охватывает патенты, полученные в период с 2016 по 2026 гг., и позволяет выявить характерные особенности распределения авторства в патентных документах указанных организаций. Результаты представлены в Таблице.

Полученное количество патентов с 2016 по 2026 гг. включительно	№1(Курчатов)	№2(МИСиС)	№3 (ВНИИЭМ)
На изобретение всего/действующих	195/55	595/121	22/19
Сред./макс. число соавторов	4,36/12	4,97/13	4,36/13
Количество изобретений с макс. числом соавторов	2	3	1
Количество изобретений с одним автором	7	8	0
Количество соавторов и количество отличительных признаков	На 1 отличительный признак приходится 1,35 соавтора	На 1 отличительный признак приходится 1,18 соавтора	На 1 отличительный признак приходится 0,95 соавтора

Таблица 1. Распределение авторства в патентных документах

Анализ авторского состава патентов организаций НИЦ «Курчатовский институт», НИТУ «МИСиС» и ВНИИЭМ показывает устойчивое присутствие группы постоянных авторов, чьи фамилии регулярно встречаются в патентных документах на протяжении рассматриваемого периода. Но радует и появление новых участников авторских коллективов. Такая динамика в целом соответствует закономерности воспроизводства творческого потенциала организаций и может рассматриваться как один из индикаторов их инновационной активности.

Однако выявленное среднее количество соавторов на одно изобретение значительно превышает уровень, характерный для областей техники с пониженной долей служебных изобретений и заставляет предполагать лжесоавторства в исследованных вузах обыденным явлением [3].

В первых двух случаях число соавторов превышает число отличительных признаков формулы изобретения, в третьем же структура авторского коллектива в большей степени соответствует сложности формулы изобретения. Такая диспропорция свидетельствует о слабой связи между технической сложностью разработки и составом авторского коллектива. Если количество соавторов превышает количество отличительных признаков,

это может рассматриваться как косвенный признак наличия лжесоавторства. В целом, результаты подтверждают влияние институциональных факторов на формирование авторства.

С институциональной точки зрения распространение лжесоавторства подрывает доверие к системе патентования и к институту интеллектуальной собственности в целом. Патентная система должна обеспечивать справедливое распределение результатов творческого труда и стимулировать инновационную активность. Однако при массовом включении фиктивных соавторов она начинает выполнять преимущественно формальную функцию – увеличивать статистические показатели организаций и персональные списки публикаций и изобретений сотрудников.

Заключение

Библиографический список:

1. Астанех Б. Этические вопросы в сфере научных публикаций // Научная периодика: проблемы и решения. 2013. №6 (18). С. 38-42.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. действующая) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24743> (дата обращения: 7.04.2026).
3. Григорьев Ю.В. Политика поощрения изобретательской активности в РСФСР и СССР. Часть 1. 1919-1931 годы // Качество. Инновации. Образование. 2025. № 6. С. 41-46.
4. Григорьев Ю.В. Прогнозирование будущего организаций на основе анализа творческой результативности их работников / Ю.В. Григорьев, Т.В. Григорьева // Качество. Инновации. Образование. 2013. № 11(102). С. 51-59.
5. Гринев А.В. Некоторые проблемы современной наукометрии, научной политики и необходимость формирования наукометрических субдисциплин // Управление наукой и наукометрия. 2023. Т. 18, № 3. С. 415-449.
6. Губа К.С. Publish or Perish в российских социальных науках: паттерны соавторства в «хищных» и «чистых» журналах / К.С. Губа, Н.А. Словогородский // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 80-106.
7. Еременко Т.В. Соавторство в научных публикациях: этические аспекты // Социология науки и технологий. 2016. №4. С. 134-149.
8. Индикаторы науки: 2024 : статистический сборник / НИУ ВШЭ ; под ред. Л.М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2024. 352 с.
9. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Утв. Постановлением СМ СССР от 21 августа 1973 г. № 584 // Е-Досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/G8hX1o_HUQ7Ay42w2joi (дата обращения 30.03.2026).

Koneva M.A., Grigoriev Yu. V. Honorary Co-Authors of Inventions as an Institutional Phenomenon

The paper analyzes the impact of honorary (false) co-authorship on the functioning of the patent system. It leads to a decrease in developers' motivation, an increase in transaction costs,

and a deterioration in the investment attractiveness of technologies. It is established that the institutional drivers of false co-authorship include a metric-oriented evaluation system, hierarchical administrative governance, and the human factor. This phenomenon also creates problems in personnel selection and placement, making it more difficult to identify talented inventors deserving special support, while facilitating the career advancement of individuals with low professional competence, ultimately negatively affecting technological development.

Keywords: patent law, inventions, false co-authorship, intellectual property, inventive activity.

УДК 316

И.В. Панов

Нормативно-правовые основы экономического взаимодействия РФ и КНР в ШОС: новые правовые механизмы и потенциал сотрудничества

Аннотация:

Представлен анализ становления и развития правовых механизмов, регулирующих экономическое сотрудничество РФ и КНР в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Исследуется актуальность существующей договорно-правовой базы, межгосударственных соглашений и нормативных актов, лежащих в основе двухсторонних и многосторонних экономических связей двух государств. Отдельное внимание уделяется рассмотрению перспективных направлений для углубления сотрудничества в таких сферах, как торговля, энергетика, инвестиции и инновации.

Ключевые слова: Россия, Китай, ШОС, международное право, международное сотрудничество, экономическое сотрудничество.

Об авторе: Панов Илья Викторович, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент факультета мировой политики; эл. почта: 20ip20@mail.ru

Научный руководитель: Левченко Татьяна Григорьевна, МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент факультета мировой политики; эл. почта: levchenko2011@yandex.ru

Введение

Современный этап мирового политического развития характеризуется формированием многополярного миропорядка, усилением роли региональных интеграционных объединений и динамичными сдвигами в глобальной экономике. В этих условиях Шанхайская организация сотрудничества представляет собой уникальную региональную организацию, которая прошла путь от регионального форума до влиятельной организации, объединяющей такие государства, как Россия, Китай, Иран, Индия и другие

страны, выступая одной из важнейших платформ, которая обеспечивает не только региональную безопасность, но и продвигает широкое экономическое взаимодействие на евразийском пространстве. В этом контексте экономическое взаимодействие между двумя ключевыми членами организации – Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, представляется одним из несущих элементов архитектуры ШОС, определяя во многом вектор ее развития и экономический потенциал.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях становления многополярного миропорядка мы наблюдаем возрастающую значимость российско-китайского экономического сотрудничества, которая проявляется, в частности, в постоянном увеличении товарооборота между Россией и Китаем: в 2023 г. товарооборот составил \$240 млрд, а в 2024 г. впервые приблизился к рекордным \$245 млрд [7; 14]. Во-вторых, существует понимание необходимости совершенствования направлений и юридических аспектов функционирования ШОС, а также появления новых механизмов экономического развития. В-третьих, регион ШОС имеет существенные потенциальные преимущества, включающие экономическую взаимодополняемость стран-участниц, которые возможно трансформировать в фактор содействия развитию.

В работе сделана попытка академического осмысления правовых механизмов регионального экономического взаимодействия КНР и РФ, более глубокого понимая динамики и проблем правового регулирования российско-китайского партнерства в рамках ШОС, а также оценки потенциала углубления этого сотрудничества.

Методология и методы исследования. Исследование строится на междисциплинарном подходе, сочетающем как общенаучные, так и специально-юридические методы познания: сравнительно- и историко-правовой, системный анализ, метод экспертных оценок. Особую важность представляет историко-правовой и сравнительно-правовой методы, позволяющие подробно изучить процесс совершенствования нормативно-правовых механизмов экономического партнерства в ШОС не просто как набор изолированных элементов, а как сложную, динамичную систему международного экономического сотрудничества. Кроме того, эти методы в совокупности позволяют оценить их эффективность и определить потенциал для дальнейшего углубления экономического взаимодействия РФ и КНР в рамках ШОС.

Правовая база экономического взаимодействия в рамках ШОС

В 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества приняла Декларацию о создании ШОС, где среди многочисленных целей было провозглашено, что деятельность организации будет иметь и экономический характер и содействовать формированию не только нового политического, но и экономического международного порядка [17]. В декларации установлено, что одной из принципиальных задач организации выступает поощрение эффективного сотрудничества между государствами-участниками в торгово-экономической, научно-технической, энергетической, транспортной, экологической областях [2].

В последующем цели ШОС в области экономического взаимодействия были подтверждены и детализированы в Хартии ШОС 2002 г. (далее – Хартия). Статья 1 Хартии в качестве приоритетных задач социально-экономического характера закрепляет поддержку всестороннего и сбалансированного развития государств-членов во всех сферах на основе равноправного партнерства для улучшения жизни народов стран-участниц. Отмечается, что для это необходимо проводить согласование стратегий при комплексной интеграции в мировую экономику [13].

Помимо этого, статья 3 Хартии определяет ключевые направления экономического взаимодействия между странами-участницами, включая поддержку регионального сотрудничества в различных формах, создание благоприятных условий для торговли и инвестиций с целью постепенного обеспечения свободного перемещения товаров, капитала, услуг и технологий. Она предусматривает использование транспортной и коммуникационной инфраструктуры, развитие транзитного потенциала стран и модернизацию энергетических систем. Особое внимание уделяется рациональному природопользованию, включая управление водными ресурсами, а также реализации совместных экологических проектов. Кроме того, статья ориентирована на расширение партнерства в науке, технологиях, образовании, культуре, спорте и туризме как ключевых сферах для устойчивого развития региона.

В 2007 г., в рамках ШОС, был подписан еще один из важнейших международно-правовых договоров в области экономических отношений: Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС 2007 г., вступил в силу 31 октября 2012 г. (далее – Договор) [4].

Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – это соглашение, содержащее ряд важных принципов, касающихся экономического взаимодействия стран-участниц. Один из основополагающих принципов провозглашен в ст. 13 Договора: «Договаривающиеся Стороны укрепляют экономическое сотрудничество на основе равноправия и взаимной выгоды, создают благоприятные условия для развития торговли, стимулирования инвестиций и обмена технологиями в рамках ШОС».

Более того, упоминается, что стороны намерены оказывать активное содействие взаимной экономической деятельности, в том числе, создавая правовые условия для нее на территории физических и юридических лиц другой Договаривающейся Стороны, ведущих законную хозяйственную деятельность, а также защиту на своей территории законных прав и интересов таких физических и юридических лиц.

Далее, в ст. 15 Договора, приводится открытый список сфер экономической кооперации государств-участников, здесь присутствуют следующие сферы: информационная, телекоммуникационная, научно-техническая, промышленная, сельскохозяйственная, энергетическая, финансовая и другие. В завершении, в ст. 14 указанного Договора подтверждается приверженность государств к развитию сотрудничества Сторон в различных международных организациях и форумах. В частности, Нью-Делийская декларация 2023 г. подтвердила приверженность стран-членов этим принципам по укреплению торгово-экономического сотрудничества в рамках организации, создающим фундамент всего экономического права ШОС [5].

Положения Декларации о создании ШОС (2001 г.), Хартии ШОС (2002 г.) и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС (2007 г.) составляют по сути правовую основу регулирования экономических отношений в рамках ШОС.

Однако, несмотря на важность этих нормативно-правовых актов, указанные нормы права носят декларативный, заявительный характер. Это обусловлено рядом причин, и прежде всего тем, что указанные нормативно-правовые акты не содержат строго обязывающих юридических норм и, по сути, носят рекомендательный характер. Отсутствует четко обозначенный механизм правой ответственности в рамках указанных договоренностей, соблюдение которых фактически сводятся к «добровольной обязанности».

Названные нормативно-правовые акты никак не ограничивают суверенитет членов-участников (сторон) международных договоров, что подтверждается ст. 20 Договора, и ст. 14 Хартии, которые устанавливают, что соглашения сторон не затрагивают прав и обязательств государств-членов по другим международным договорам. Государства-члены организации ШОС выступают равноправными участниками международных экономических правоотношений, и свободно могут заключать любые двусторонние или многосторонние договоры в любой сфере деятельности.

Такое положение дел подтверждается многочисленными двусторонними соглашениями, детализирующими конкретные направления сотрудничества государств-членов ШОС в экономической сфере, в частности: Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах 2007 г. (вступило в силу 24 апреля 2014 г.), Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области образования 2006 г. (вступило в силу 30 января 2008 г.) и др. [10].

Можно констатировать, что в международных экономических отношениях существует приоритет национального законодательства государств-членов ШОС. Отсутствие наднациональных правовых механизмов (институтов) и порядка урегулирования экономических споров вынуждают стороны решать свои разногласия преимущественно посредством дипломатических переговоров и консультаций, что подтверждается положениями Договора и Хартии (ст. 22).

Очевидно, что в случае возникновения экономических споров государства-члены ШОС будут склоняться в сторону применения норм своего национального законодательства, возможно с учетом принципов и норм международного права и заключенных договоров между этими странами. Такое состояние дел сохраняется повсеместно по всем направлениям сотрудничества государств-членов ШОС, что свидетельствует об институциональной незрелости правового регулирования экономических отношений между ними, и необходимости усиления интеграции этих государств в рамках рассматриваемой международной организации ШОС.

Развитие институциональной базы ШОС проявляется в создании Межбанковского объединения (2005 г.) и Делового совета (2006 г.). В 2020 г., в ходе российского председательства, состоялся первый Форум глав регионов стран-участниц, направленный на укрепление межрегиональных связей в приоритетных экономических сферах. Эти шаги

демонстрируют постепенное укрепление структур взаимодействия, хотя правовая база ШОС продолжает оставаться преимущественно ориентированной на политическую координацию, а не на детальное нормативное регулирование.

Наибольшей проработанностью характеризуются Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах (2007 г.), Соглашение по международной информационной безопасности (2009 г.) и документ о международных автомобильных перевозках (2014 г.). Это связано с тем, что обозначенные соглашения регулируют не частноправовые, а публично-правовые отношения между государствами и их институтами.

Вместе с тем развитие транспортного сотрудничества было обозначено еще в Декларации о создании ШОС как одно из приоритетных направлений. Значимый импульс этому направлению придала инициатива председателя КНР Си Цзиньпина «Экономический пояс Шелкового пути» (2013 г.), нацеленная на формирование единого евразийского торгово-экономического пространства и транспортных коридоров. В последние годы в ШОС активно совершенствуется правовая база для реализации транзитного потенциала стран-участниц, особенно в области автомобильного сообщения. В отличие от других сфер экономического взаимодействия, здесь стороны предпочли многосторонний формат: в 2014 г. было принято детальное Соглашение о международных автомобильных перевозках, а не ограничились двусторонними договоренностями.

Тем не менее существующая модель не должна становиться пределом развития организации. Для углубления экономического взаимодействия ШОС необходимо укреплять правовую базу как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Перспективным направлением могла бы стать постепенная гармонизация национальных законодательств в экономической сфере. Однако ни один из действующих документов ШОС прямо не предусматривает унификации права, что отражает текущую неготовность участников к глубокой интеграции. Существенные различия правовых систем также создают объективные сложности. В долгосрочной перспективе сближение законодательств станет необходимым условием для эффективного экономического сотрудничества в рамках организации.

Принципы российско-китайского взаимодействия в рамках ШОС

Российско-китайское взаимодействие в ШОС, с одной стороны, можно рассматривать как один из наиболее важных примеров сотрудничества двух стран на международных многосторонних площадках, с другой же – оно оказывается главным

цементирующим звеном организации, поскольку Китай и Россия не только принадлежат к основателям ШОС, но объективно остаются ее лидерами и «тяжеловесами». Сотрудничеству на платформе организации ШОС способствует близость доктринальных подходов. У Китая они во многом созвучны российским: в формате ШОС Китай видит возможности укрепления региональной безопасности (в т.ч. в контексте борьбы против «трех зол» – сепаратизма, экстремизма и терроризма), продвижения экономического и гуманитарного сотрудничества. Будучи активным сторонником нового демократического миропорядка на основе многосторонности и в противовес политике «решений лишь одной стороны», Китай активно подтверждает это видение и в ШОС [15].

Пункты о том, что координация на платформе ШОС выступает общим для России и Китая приоритетом, неизменно фиксируются в ежегодных совместных декларациях по итогам встреч на высшем уровне. Как подчеркнуто в российско-китайском заявлении, подписанном главами РФ и КНР по итогам двустороннего саммита в мае 2024 г., «стороны считают совместную работу в ШОС важным направлением углубления отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами»; стороны «продолжат скоординированные усилия в целях дальнейшего развития ШОС в качестве авторитетного и влиятельного многостороннего объединения, повышения ее роли в формировании нового справедливого, устойчивого и многополярного миропорядка» [9].

Примером такой скоординированной политики, проявившейся еще на заре ШОС, можно считать тот факт, что в базовые основы деятельности организации лег ряд принципиальных положений, которые практически одновременно были зафиксированы и в подписанном в июле 2001 г. российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, и в принятой месяцем ранее Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества. Синхронизация главного российско-китайского документа и базовой декларации ШОС, помноженная на сходство субстантивной части, – хорошее свидетельство продуктивного взаимодействия РФ и КНР.

В контексте экономического взаимодействия между Россией и Китаем еще в середине 2010-х гг. отечественные аналитики зафиксировали появление в регионе двух ключевых тенденций: усиление российских усилий по развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и активное продвижение КНР своей инициативы «Пояс и путь». Как отмечалось в исследованиях, эти процессы создали новые сложности для

двустороннего сотрудничества, включая вопросы роли России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [15]. Эта проблематика сохраняет актуальность и сегодня: параллельная реализация региональных проектов сопровождается трениями, а Москва вынуждена балансировать, стремясь предотвратить сценарий чрезмерного китайского влияния на экономику стран Центральной Азии. Особенно это актуально после институционализации в 2022 г. формата «КНР+5», объединяющего Китай и пять государств региона.

Несмотря на рост веса Китая в международной политике в текущих условиях, Россия может рассмотреть поэтапное сближение с Пекином в вопросах создания зон свободной торговли (ЗСТ). Такая перспектива была заложена еще в мае 2015 г. в Совместном заявлении о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, где создание ЗСТ обозначалось как долгосрочная цель. Прогресс в этом направлении укрепил бы не только российско-китайскую кооперацию в рамках ШОС, но и способствовал бы реализации экономических задач организации.

Еще один перспективный вектор взаимодействия – поиск точек соприкосновения между евразийскими инициативами России, включая концепцию «Большого евразийского партнерства», и тремя глобальными инициативами КНР (по развитию, безопасности и цивилизационному диалогу), представленными в 2022-2023 гг. Позитивный сигнал в этом контексте прозвучал в итоговых документах российско-китайского саммита 2024 г., где подчеркивалось «важное позитивное значение» китайских инициатив.

Эксперты обеих стран признают существование «неизбежного соперничества» в региональной политике, усиление которого отмечалось еще на ранних этапах ШОС [15]. Однако большинство аналитиков сходятся во мнении, что разногласия носят ситуативный, а не системный характер и не препятствуют общему вектору развития отношений. Диалог и взаимный учет интересов позволяют минимизировать конфликты, а здоровая конкуренция, напротив, может стать драйвером прогресса. Таким образом, преувеличивать масштаб противоречий нецелесообразно, однако игнорировать их также нельзя – баланс требует постоянной работы в духе стратегической гибкости и прагматизма.

Тяньцзинская декларация сотрудничества и новые правовые механизмы

В 2019 г. Советом глав правительств государств-членов ШОС была принята новая Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС, рассчитанная на период до 2035 г [3].

1 сентября в Тяньцзине подошел к концу 25-й саммит Шанхайской организации сотрудничества, который стал самым масштабным за всю историю существования организации – в нем приняли участие 30 глав государств, включая В.В. Путина. На повестке дня стояли вопросы укрепления технологического суверенитета, защита критической инфраструктуры и торгово-экономическое сотрудничество.

Основным политическим итогом саммита стало принятие Тяньцзиньской декларации, которая зафиксировала общую позицию стран-членов по ключевым вопросам мировой повестки. Декларация прямо осуждает «односторонние принудительные меры, в том числе экономического характера» [12]. Главной темой стала идея создания Банка развития ШОС, учреждение которого закрепляет курс на создание независимой финансовой инфраструктуры. Премьер-министр Госсовета КНР Ли Цян заявил, что КНР и РФ обсуждали возможность формирования «новых надежных каналов расчетов», и что правительство КНР готово углублять взаимовыгодное партнерство с Российской Федерацией [16].

Решение об учреждении Банка развития ШОС – одно из центральных экономических решений, ставшее практическим шагом к формированию независимой финансовой инфраструктуры. Основная задача банка состоит в финансовом сопровождении совместных инвестиционных и инфраструктурных проектов на пространстве ШОС. Учреждение Банка развития ШОС – это крупный проект по созданию независимого финансового института наравне с Новым банком развития (НБР) БРИКС, официально начавшим свою работу в 2015 г. Однако, несмотря на успешный запуск, НБР БРИКС столкнулся с операционными трудностями из-за санкций против России, что ограничило его возможности на глобальных финансовых рынках.

В отличие от НБР БРИКС с уставным капиталом в \$100 млрд и направленностью на финансировании инфраструктурных и устойчивых проектов в странах-членах, Банк развития ШОС создается с более скромным первоначальным финансированием от Китая (кредитная линия в \$1,4 млрд и помощь в \$280 млн) и по мнению В.В. Путина с более узкой и прагматичной целью – созданием «собственной платежно-расчетной и депозитарной инфраструктуры» [16]. Вероятнее всего новый финансовый институт нацелен в первую очередь на защиту и обслуживание внутриблоковой торговли и инвестиций от внешнего санкционного давления, а не на глобальные проекты.

Следует также упомянуть о подписании обновленного «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций» от 08 мая 2025 г. (вступило в силу 01 декабря 2025 г.), которое предусматривает высокие стандарты защиты инвестиций, обеспечивает запрет дискриминации инвесторов, компенсацию ущерба, причиненного вследствие экспроприации инвестиций, а также механизмы разрешения споров [11]. Оговаривается, в том числе, возможность передачи спора между инвестором и государством, на территории которого осуществлены инвестиции, в международные арбитражи [8].

В соглашении уточнены ключевые понятия: кто считается инвестором, что такое инвестиция, обе страны обязались создать специальные центры, упрощающие административные процедуры, помогающие с визами и разрешениями на работу. Устанавливается приоритет мирного разрешения споров, вводится обязательная досудебная стадия консультаций перед обращением в международный арбитраж [6]. Соглашение призвано нарастить темпы инвестирования и развития взаимовыгодных инвестиционных проектов, оказываясь важным шагом к более стабильному и предсказуемому сотрудничеству с Китаем. Вместе с тем, практическая эффективность соглашения будет напрямую зависеть от готовности сторон реализовать все его положения и желания бизнеса адаптироваться к работе в новых условиях.

Заключение

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), при совместном участии Китая и России задумывалась как механизм комплексного регионального сотрудничества, имеющий важное значение для обеспечения мира, стабильности и развития на евразийском пространстве. За прошедшие годы проделана большая работа по созданию договорно-правовой базы, отлажены механизмы, способствующие плодотворному взаимодействию в сферах политики, безопасности, экономике, торговли, инвестиций, и культурно-гуманитарных связей [1].

Правовое регулирование экономического взаимодействия в рамках ШОС, все еще находится на этапе своего формирования. основополагающие нормативно-правовые акты, регулирующие экономические отношения государств-членов ШОС – Декларация о создании ШОС 2001 г., Хартия ШОС 2002 г. и Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС 2007 г. – выступают декларативными,

их положения носят рекомендательный характер. Несмотря на наличие между государствами-членами ШОС двусторонних международных договоров, в том числе в экономической сфере, заключенных рамками ШОС, в регулировании международных экономических отношениях существует приоритет национального законодательства государств-членов. Отсутствие обязывающих юридических норм, четко обозначенного механизма правой ответственности, в рамках достигнутых договоренностей, отсутствие наднациональных правовых механизмов (институтов) и порядка урегулирования экономических споров вынуждают стороны переводить свой спор в публичную сферу, решать свои разногласия в рамках политико-дипломатических переговоров и консультаций.

Таким образом, в целях обеспечения безопасности и устойчивого развития государствам-членам необходимо последовательно совершенствовать правовое регулирование экономического сотрудничества между Китаем и Россией в рамках ШОС. Эффективность правового регулирования прямо связана с обязательностью исполнения норм права, в противном случае норма права превращается в декларативное заявление. Государства-члены ШОС должны стремиться унифицировать нормы права в сферах сотрудничества, не забывая гармонизировать свое национальное законодательство, разработать действенный механизм правовой ответственности, придать обязательственный характер ключевым положениям договоров, разработать эффективный механизм разрешения споров. Усилия в этом направлении безусловно повысят уровень правового регулирования и дадут толчок к дальнейшему развитию сотрудничества, в том числе в сфере экономики между Россией и Китаем и другими государствами-членами ШОС.

Библиографический список:

1. Выдержки из интервью В.В. Путина информационному агентству «Синьхуа» 30 августа 2025 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_bezопасnost/2044782/ (дата обращения: 04.12.2025).
2. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Джагаев О. Все хотят партнерства с Россией: главные итоги саммита ШОС в

Китае. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20250902/vse-khotyat-partnerstva-s-rossiey-glavnye-itogi-sammita-shos-v-kitae-34886194.html> (дата обращения: 02.12.2025)

4. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Бишкек, 16 августа 2007 г.) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50358/ (дата обращения: 11.04.2026).

5. Нью-Делийская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (04 июля 2023 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5963> (дата обращения: 06.12.2025).

6. Осокин В. Новые правила для инвесторов России и Китая: что это значит для бизнеса. URL: <https://companies.rbc.ru/news/ErJWpfpy9S/novyye-pravila-dlya-investorov-rossii-i-kitaya-cto-eto-znachit-dlya-biznesa/> (дата обращения: 03.12.2025).

7. Отношения успешно прошли проверку на прочность: товарооборот России и Китая достиг рекордных \$240 млрд. URL: <https://russian.rt.com/business/article/1256968-rossiya-kitai-torgovlya-2023> (дата обращения: 04.12.2025).

8. Россия и Китай подписали обновленное соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_podpisali_obnovlennoe_soglashenie_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_investitsiy.html (дата обращения 04.12.2025).

9. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху. URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/sovместное_zayavlenie_rossiyskoy_federatsii_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_o_dalneyshem_uglublenii/ (дата обращения: 11.04.2026).

10. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования (г. Шанхай, 15 июня 2006 г.) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 10. С. 4-7.

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций (от 08.05.2025 г.). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62838/ (дата обращения: 01.12.2025).

12. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской

организации сотрудничества (01 сентября 2025г.) URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6376> (дата обращения: 06.12.2025).

13. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (г. Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.): с изменениями от 15.06.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 43. Ст. 4417.

14. Цегоев В. «Оказывает положительное влияние на экономический климат»: товарооборот России и Китая достиг рекордных \$244 млрд. URL: <https://russian.rt.com/business/article/1419625-rossiya-kitai-torgovlya-rekord> (дата обращения: 03.12.2025).

15. Чукреев А.А. Региональное экономическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества: становление правовой основы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 2 (26). С. 89-105.

16. Щелоков А. «Итоги саммита ШОС-2025: контуры нового мирового порядка» // Московские новости. URL: <https://www.mn.ru/smart/itogi-sammita-shos-2025-kontury-novogo-mirovogo-poryadka> (дата обращения: 01.12.2025).

17. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС (Справочный материал). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1731422/ (дата обращения: 08.12.2025).

Panov I.V. The regulatory framework for economic cooperation between the Russian Federation and China in the SCO: new legal mechanisms and potential for cooperation

An analysis of the formation and development of legal mechanisms regulating economic cooperation between the Russian Federation and China within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) is presented. The relevance of the existing contractual and legal framework, interstate agreements and regulations underlying the bilateral and multilateral economic relations between the two states is investigated. Special attention is paid to the consideration of promising areas for deepening cooperation in such areas as trade, energy, investment and innovation.

Keywords: Russia, China, SCO, international law, international cooperation, economic cooperation.

УДК 316

М.Д. Душин, М.Д. Красноцкая

Языковая политика: от моральной паники к эффективности правового регулирования

Аннотация:

Рассматривается социологический аспект языковой политики в контексте вступления в силу с 01.03.2026 г. Федерального закона № 168-ФЗ, регулирующего использование русского языка в публичном пространстве. Анализируется феномен общественной паники, связанной с неверной интерпретацией нормативного акта, исследуется гипотетический сценарий распространения ограничений на деловую коммуникацию. На основе анализа 30 единиц бизнес-сленга, нормативных словарей РАН и международного опыта сделан вывод о нецелесообразности жесткой регуляции лексического состава профессионального дискурса.

Ключевые слова: языковая политика, заимствования, бизнес-сленг, нормативная лексикография, социальная паника, деловая коммуникация.

Об авторах: Душин Максим Дмитриевич, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, студент кафедры «Безопасность в цифровом мире»; эл.почта: dushin@bmstu.ru

Красоцкая Милана Денисовна, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории и практики иностранных языков; эл. почта: krasotskaya-md@rudn.ru

Введение

1 марта 2026 г. вступили в силу изменения в законодательство о государственном языке Российской Федерации (Федеральный закон № 168-ФЗ), которые вызвали значительный общественный резонанс [17]. В информационном пространстве широко распространились следующие заголовки: «*Запрет иностранных слов с 1 марта 2026 года: что изменится*», «*Запрет иностранных слов с 1 марта 2026: что меняют и какие штрафы*

грозят бизнесу», согласно которым новый нормативный акт вводит тотальный запрет на использование иностранных слов [20; 9].

В общем понимании людей могло сформироваться представление о том, что произошел запрет на использование иностранных слов в том числе в деловой коммуникации. С точки зрения генезиса и динамики эта ситуация представляет собой классический объект социолингвистики. Современные медиа способны формировать и усиливать «моральную панику», когда общественная реакция на нормативное изменение значительно превосходит его реальное содержание и потенциальные последствия [21]. Отметим, что люди не всегда готовы вчитываться в тексты статей, им может хватить заголовка.

В рамках социолингвистического подхода языковая политика рассматривается не только как система юридических норм, но и как поле социального взаимодействия, где сталкиваются интересы различных групп, формируются общественные настроения и конструируются смыслы [1; 19]. Анализ Федерального закона № 168-ФЗ во взаимосвязи с Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» и Законом «О защите прав потребителей» показывает, что реальное содержание нововведений оказалось существенно иным, нежели в панических интерпретациях [15; 16]. Поправки распространяются исключительно на сферу вывесок и визуальной информации для потребителей: *«Информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей и не являющаяся рекламой, за исключением информации, указанной в статьях 8, 9 и 10 настоящего Закона, размещается изготовителем ... с использованием вывесок или иных средств размещения информации (надписей, указателей, внешних поверхностей, информационных табличек, информационных знаков, конструкций, сооружений, технических приспособлений и других носителей, предназначенных для распространения информации...)»,* не затрагивают средства индивидуализации (товарные знаки): *«Положения настоящей статьи не применяются к случаям использования фирменных наименований, товарных знаков, знаков обслуживания, а также к другим случаям, предусмотренным федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации...»* и не устанавливают запрета на использование иностранных слов как таковых: *«По усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца) информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей ... может быть выполнена также на иностранных языках».*

Требование о дублировании информации на русском языке, уже существовавшее в законодательстве, было уточнено, но не ввело новых ограничений на лексический состав деловой или бытовой речи [16]. Таким образом, широкая общественная дискуссия развернулась вокруг нормативного акта, фактическое содержание которого оказалось значительно более умеренным, что подтверждает тезис о социальном конструировании правовых смыслов [6; 15].

Модели языковой политики: от запретительной к адаптационной

Для оценки возможных последствий языкового регулирования необходимо рассмотреть гипотетическую ситуацию, при которой законодательство действительно установило бы запрет на использование иностранных слов в деловой коммуникации за исключением лексем, зафиксированных в нормативных словарях Российской академии наук. Такой сценарий означал бы радикальное изменение действующего правового подхода, который в настоящее время базируется на принципе защиты русского языка как государственного, но не на императивном запрете заимствований [6; 15]. С точки зрения социолингвистики, подобное регулирование вступило бы в противоречие с объективными процессами языкового развития. Заимствования, в особенности англицизмы, выступают неотъемлемой частью динамики современного русского языка, выполняя функцию заполнения лексических лакун и маркируя принадлежность к профессиональным и социальным группам [4; 18].

Анализ современного делового сленга на примере 30 слов, активно используемых в профессиональной коммуникации [11], показывает разрыв между реальной речевой практикой и гипотетическим нормативным предписанием. Проверка по актуальным нормативным словарям РАН – «Орфографическому словарю русского языка» и «Словарю иностранных слов» – показывает, что значительная часть этой лексики не имеет фиксации в качестве нормативной [12; 13].

К числу таких слов, отсутствующих в указанных словарях, относятся: *абуз* (*абьюз*) – злоупотребление привилегиями, бонусами или механиками в интернет-сервисах и играх с целью получения несправедливой выгоды; *апрув* – одобрение, согласие с предложенным вариантом; действие по утверждению задачи или документа; *беклог* – упорядоченный список задач, требований или работ, подлежащих выполнению в проекте (преимущественно в гибких методологиях разработки); *брейнитормить* – проводить коллективное обсуждение для генерации идей и решений (мозговой штурм); *бэкграунд*

– совокупность жизненного опыта, образования и профессиональных навыков человека; контекст ситуации; *вайб* – атмосфера, настроение или энергетика, исходящие от человека, места или события; *Девелопер* – разработчик программного обеспечения; предприниматель, занимающийся созданием и реконструкцией объектов недвижимости; *дефолтный* – установленный по умолчанию, стандартный (в технике); связанный с невыполнением финансовых обязательств; *дискаверить* – обнаруживать, открывать новую информацию или закономерности в процессе исследования; *инпут* – входные данные, информация для обработки; вклад, мнение или обратная связь от участника процесса; *канселиться* – отменяться (о встречах, планах); подвергаться публичному бойкоту («культуре отмены»); *комплаенс* – система обеспечения соответствия деятельности организации законодательным нормам, внутренним правилам и этическим стандартам; *краш* – внезапный сбой работы программы или системы; *мейнстримный* – относящийся к основному направлению культуры, массовый, общепринятый, популярный; *наблиш* – действие по публикации, размещению контента, статьи или релиза в открытом доступе; *пайплайн* – последовательность автоматизированных этапов обработки данных или выполнения бизнес-процессов (конвейер); *рандомный* – случайный, произвольный, выбранный без системы или закономерности; *ресерчить* – проводить исследование, изучать информацию, анализировать данные по заданной теме; *синкануться* – синхронизироваться: согласовать действия, обменяться информацией для координации работы [10; 14; 7; 2; 3; 5].

Перечень демонстрирует, что значительный пласт лексики, составляющий основу неформальной деловой коммуникации в таких сферах, как ИТ, управление проектами, маркетинг и стартап-культура, не прошел процедуру кодификации. Более того, как отмечается в исследованиях молодежного «фунглиша», использование подобных заимствований часто становится стилистическим маркером, отражающим принадлежность к определенному профессиональному сообществу, а его искусственное ограничение сталкивалось бы с устойчивыми социальными практиками [18].

Внедрение гипотетического запрета на использование незафиксированных в словарях РАН иностранных слов столкнулось бы с фундаментальной проблемой – значительным временным разрывом между появлением новой лексики в речи и ее фиксацией в нормативных словарях. Процесс признания слова элементом литературной нормы в российской лексикографической традиции представляет собой сложную,

многоступенчатую процедуру, включающую наблюдение за частотностью употребления, экспертную оценку и редакционную работу [1; 12; 13].

Такой процесс может занимать от нескольких лет до десятилетий, что создает ситуацию, при которой легальная деловая коммуникация была бы вынуждена оперировать лексикой, заведомо отстающей от актуальных языковых потребностей. В социолингвистике такое отставание институциональной нормы от реального языкового узуса называется «временным лагом» и рассматривается как естественное, но труднопреодолимое препятствие для жесткого административного регулирования [1; 19]. Задержка в легитимации новых слов создала бы существенные барьеры для коммуникации в динамично развивающихся отраслях экономики, где скорость появления новой терминологии максимальна.

Если бы гипотетически подобный закон был принят, его результативность с социолингвистической точки зрения оказалась бы крайне сомнительной. Язык выступает саморегулирующейся системой, поэтому государственное регулирование, не подкрепленное широким общественным консенсусом, редко достигает своих целей. Как показывает анализ языковой политики, попытки прямого запрета заимствований часто приводят к обратному эффекту, поскольку они вступают в противоречие с объективными потребностями коммуникации и социальной стратификации [1; 6; 19].

Заимствования, в частности англицизмы, продолжают активно проникать в русский язык через каналы массовой культуры, профессиональных сообществ и интернет-коммуникации [4; 18]. В условиях глобализации и цифровизации эти процессы носят трансграничный характер, что делает их практически неуязвимыми для национального законодательства, сфокусированного лишь на публичной сфере. Таким образом, в случае принятия столь жесткого закона следовало бы ожидать не исчезновения иностранных слов из делового оборота, а их ухода в неформальные каналы коммуникации или массового, но трудно фиксируемого нарушения нормы.

Аналогичные попытки ограничить использование иностранной лексики предпринимались в разных странах, и их результаты позволяют сделать обоснованные выводы. Наиболее известным примером оказывается языковая политика Франции, где действует Закон «О применении французского языка» (Закон Тубона). Несмотря на строгие требования к использованию французского языка в официальной, деловой и рекламной

сферах, проникновение англицизмов во французский язык не только не прекратилось, но и усилилось, особенно в таких сферах, как IT, бизнес или молодежная культура [1].

Другой пример – Исландия, где действует активная политика языкового пуризма, направленная на создание неологизмов на исландской основе вместо заимствований. Данная политика имеет определенный успех, однако он обусловлен уникальными факторами: высокой степенью языкового единообразия, небольшим размером языкового сообщества и последовательной государственной поддержкой на протяжении десятилетий [1; 19]. Экстраполяция этого опыта на российские реалии затруднена из-за различий в масштабе страны, языковом разнообразии и характере лексического влияния. Обобщая международный опыт, можно заключить, что наиболее релевантной становится не запретительная, а адаптационная модель языковой политики, которая фокусируется на развитии языковой культуры и терминологической работе, а не на запретах [6].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что паника, возникшая вокруг Федерального закона № 168-ФЗ, была в значительной степени социально сконструирована и не соответствовала его реальному содержанию. С социологической точки зрения, это явление представляет собой классический пример моральной паники, инициированной и усиленной информационной средой [21]. Реальные правовые изменения не вводили тотального запрета на иностранные слова, а лишь уточнили требования к информации на вывесках в рамках уже существовавшей системы защиты прав потребителей [16; 17].

Гипотетический сценарий более жесткого регулирования столкнулся бы с непреодолимыми препятствиями: значительным разрывом между реальным лексиконом и нормативными словарями, длительностью процесса кодификации, низкой эффективностью запретительных мер в условиях глобализации и негативным опытом других стран. Таким образом, разразившаяся паника не имела под собой достаточных оснований. Более того, сам факт подобного общественного резонанса свидетельствует о высокой чувствительности общественности к вопросам языкового регулирования и подчеркивает необходимость взвешенной, основанной на научных данных языковой политики, которая учитывает как объективные тенденции языкового развития, так и потребности эффективной коммуникации [1; 6; 19].

Библиографический список:

1. Алпатов В.М. Языковая политика и родной язык // Социоллингвистика. 2020. Т. 3, № 3. С. 115-125.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Бизнес-словарь: экономическая лексика / сост. И.В. Иванова. М.: Инфра-М, 2020. 250 с.
4. Ван Чжунпин. Роль заимствований в современном русском языке: англицизмы и их влияние // Вестник науки. 2025. № 6 (87). С. 1318-1322.
5. Глоссарий терминов гибких методологий (Agile) / сост. Е.В. Соколова. М.: Альпина Паблишер, 2021. 156 с.
6. Замятин К.Ю. Формирование государственной языковой политики после принятия поправок 2020 г. к Конституции: конституционные основы и ограничения // СВГВ. 2025. № 1 (50). С. 187-198.
7. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с.
8. Лопатин В.В. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. 4-е изд., доп / В.В. Лопатин, О.Е. Иванова. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. 960 с.
9. Мальцев Б. Запрет иностранных слов с 1 марта 2026: что меняют и какие штрафы грозят бизнесу // Клерк.ру. 10.12.2025. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/672126/> (дата обращения: 27.03.2026).
10. Национальный корпус русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 2003. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.03.2026).
11. Нуйкина А. Бизнес-сленг: 30 слов, чтобы синкануться с коллегами // СберБизнес Live. URL: <https://sberbusiness.live/publications/biznes-sleng> (дата обращения: 25.03.2026).
12. Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации / под ред. В.В. Лопатина. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2025. URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (дата обращения: 25.03.2026).

13. Словарь иностранных слов / под ред. Л.П. Крысина. М.: Институт лингвистических исследований РАН, 2025.
URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (дата обращения: 25.03.2026).
14. Словарь современных компьютерных терминов: англо-русский / под ред. А.В. Петрова. М.: ДМК Пресс, 2019. 320 с.
15. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102100688> (дата обращения: 25.03.2026).
16. Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 2025 г.) «О защите прав потребителей» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 25.03.2026).
17. Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/ (дата обращения: 25.03.2026).
18. Хазимуллина Е.Е. Русский язык в свете молодежного рунглиша // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 69-86.
19. Черныш М.Ф. Языковой вопрос и языковая политика в современном обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2024. № 4. С. 94-109.
20. Шубина Ю. Запрет иностранных слов с 1 марта 2026 года: что изменится // Альфа-Курс. 26.03.2026. URL: <https://kurs.alfabank.ru/articles/zapret-inostrannyh-slov-chto-izmenitsya/> (дата обращения: 27.03.2026).
21. Walsh J.P. Social media and moral panics: Assessing the effects of technological change on societal reaction // International Journal of Cultural Studies. 2020. DOI: 10.1177/1367877920912257.

Dushin M.D., Krasotskaya M.D. **Language Policy: From Moral Panic to the Effectiveness of Legal Regulation**

The article examines the sociological aspect of language policy in the context of the entry into force on March 1, 2026 of Federal Law No. 168-FZ regulating the use of the Russian language

in public space. The phenomenon of public panic associated with the misinterpretation of the normative act is analyzed, and a hypothetical scenario of extending restrictions to business communication is explored. Based on an analysis of 30 units of business slang, normative dictionaries of the Russian Academy of Sciences and international experience, a conclusion is drawn about the inexpediency of strict regulation of the lexical composition of professional discourse.

Keywords: language policy, borrowings, business slang, normative lexicography, social panic, business communication.

УДК 316

А.Л. Кравченко, А.В. Бездетных, Д.В. Ломакин, И.И. Санархин, Н.Е. Тимофеев

Надписи на студенческих партах: опыт социологического анализа

Аннотация:

Рассмотрен комплекс теоретических подходов к социологическому исследованию надписей на студенческих партах в учебных аудиториях. Несмотря на кажущуюся на первый взгляд маргинальность объекта, надписи на партах могут представлять богатый эмпирический материал для анализа и раскрытия особенностей студенческой повседневности, субкультур, институциональных отношений и пространственных практик. Показаны результаты пилотажного исследования студенческих надписей. Сделан вывод о преимущественно бесконтекстном характере зафиксированных студенческих надписей. При этом наиболее релевантной для полученных данных, по мнению авторов, выступает объяснительная модель, связанная с теорией скрытых транскриптов.

Ключевые слова: студенты, образование, социология пространства, девиантное поведение, скрытый транскрипт, социальная теория, габитус, коммуникация, студенческие надписи.

Об авторах: Кравченко Алексей Леонидович, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; Подмосковский политехнический колледж; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Бездетных Андрей Владимирович, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук, эл. почта: bavabvg.22@uni-dubna.ru

Ломакин Дмитрий Викторович, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук, эл. почта: foixyt09@gmail.com

Санархин Илья Игоревич, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук, эл. почта: sanarhini@mail.ru

Тимофеев Назар Евгеньевич, Государственный университет «Дубна», студент кафедры социологии и гуманитарных наук, эл. почта: Naz.timofeev181104@yandex.ru

Введение

Образовательная среда традиционно рассматривается социологами через призму формализованных отношений, регулируемых уставом и академическими нормами. Однако студенты не всегда следуют академической культуре вуза, а иногда сопротивляются и оспаривают институциональный порядок образовательного пространства. В этой связи студенческие парты представляют собой доступный и перспективный объект социологического анализа, выступая источником данных о студенческой жизни, поскольку именно на них обучающиеся оставляют «артефакты» повседневности.

Несмотря на то, что формально такие надписи справедливо расцениваются как вандализм, они вместе с тем фиксируют настроения, политические взгляды, вкусы и моду, а также юмор студентов разных поколений. Надписи нередко оказываются маркером состояния образовательной среды, фиксируя отчуждение или, наоборот, успешную интеграцию студентов.

Наконец, отдельным преимуществом такого объекта становится полная анонимность, в отличие от опросов, где респонденты могут дать социально одобряемые ответы. По этой причине с социологической точки зрения надписи на партах могут рассматриваться в качестве полноценной, хоть и девиантной, социальной практики, выполняющей ряд функций, связанных с коммуникацией, психологической разгрузкой и даже сохранением коллективной памяти. Обозначенные обстоятельства обуславливают актуальность нашего исследования.

Теоретические основания социологического исследования надписей на студенческих партах

Рассмотрим основные теоретические подходы к исследованию надписей на студенческих партах. Прежде всего, надписи на партах – это девиация, поэтому наиболее очевидная теоретическая оптика связывается с теориями девиантного поведения, стигматизации и молодежных субкультур. В этом смысле студент, оставляющий надписи, безусловно нарушает устав образовательного учреждения и портит его имущество. При этом, с точки зрения концепции стигматизации, надпись обретает статус девиантной только когда ее обнаруживают и определяют таковой представители администрации. Как отмечает Ф. Танненбаум, девиация – это процесс социальной реакции на определенное действие, наклеивание обществом «ярлыков» на субъекта этого действия. Девиантность оказывается не качеством действия, а следствием применяемых к нарушителю санкций [9]. В этой связи

интерес представляет не только исследование надписей, но и фиксация всевозможных реакций со стороны институций.

С точки зрения теорий субкультур, студенческая среда вырабатывает совокупность норм, отличных от официального устава заведения. Эта же среда становится специфической субкультурой, помогая студентам адаптироваться и социализироваться [6]. Так, надписи отсылают к принадлежности обучающего к студенческой группе, а также выступают средством «сопротивления» образовательной рутине. Поэтому анализ надписей в этом ключе адекватен для исследования студенческой субкультуры и выявления основных параметров ее аксиосферы.

Существенный эвристический потенциал при исследовании студенческих надписей представляет собой концепция скрытого транскрипта. В работе «Господство и сопротивление» Дж. Скотт описывает взаимодействие властных и подчиняющихся групп (в нашем случае – преподавателей и студентов), где первые подчеркивают свое господство, а вторые симулируют покорность (явный, публичный транскрипт), но критикуют власть с помощью «секретного дискурса» – скрытого транскрипта [7].

Студенты соблюдают субординацию на уровне публичного транскрипта, но парты, скрытые от взора преподавателя, остаются площадкой для выражения мыслей, манифестации идей, которые нельзя публично озвучивать. Обозначенная концепция, как и теории девиации и субкультур, интересна тем, что смещают фокус анализа с моральной оценки социального факта надписей на их функциональные характеристики – зачем и для кого студенты их оставляют.

Иной пласт теоретических подходов связан с анализом студенческой аудитории в контексте социального пространства. В этом смысле надписи на партах оказываются коммуникативной практикой, средством взаимодействия с пространством. Так, с точки зрения фукианского анализа власти, образовательное учреждение демонстрирует дисциплинарные практики управления, а надписи на партах, в свою очередь, сохраняют возможность сбоя в системе надзора [5]. В концепции социального поля П. Бурдьё вуз рассматривается как социальное поле, воспроизводящее социальный капитал [3]. Примечательно, что надписи отражают и габитус обучающихся – студенты престижных высших учебных заведений, вероятно, оставляют надписи с цитатами или рассуждениями, а студенты менее популярных – шутки, жалобы и пр.

Наконец, анализ надписей на партах может быть осуществлен с опорой на традиции символического интеракционизма и социологии памяти. Подобные объяснительные модели рассматривают надписи в рамках отношений «студент-студент», а не «студент-институт». Так, согласно Г. Блумеру, поведение человека в отношении предметов зависит от значений, которые он связывает и вкладывает в эти предметы в процессе социального взаимодействия [2]. В этой связи исследование надписей может выявить цепочки взаимодействия между студентами и проследить их динамику.

В то же время социология памяти показывает, что надписи в образовательном учреждении непосредственно связаны с формированием профессиональной и личностной идентичности студента. Содержание памяти носит социальный характер, поэтому надписи фиксируют то, что студенты посчитали достойным сохранить на партах. Опираясь на концептуальную основу, заложенную Я. и А. Ассман, студенческие надписи находятся в промежуточном положении между коммуникативным и культурным типами памяти: появляясь как надписи, значимые для обучающихся сейчас студентов, со временем они превращаются в культурные артефакты, утрачивая актуальность для студентов, которые их оставили [1]. Вместе с тем теоретические основы исследования надписей не ограничиваются обозначенными концептуально-теоретическими подходами.

Отечественный опыт исследований студенческих надписей весьма скромнен. Как правило, такие исследования преимущественно случайны, поскольку чаще всего объектом исследования выступают граффити, нередко оставляемые студентами, среди которых попадаются и надписи на партах. В частности, К. Шумов в англоязычной работе 1996 г. выделяет коммуникативный аспект надписей в качестве определяющего для основного массива исследуемых текстов и рисунков, оставляемых студентами [8].

В работе Д.И. Старцева рассматривается феномен студенческого фольклора, представленного в том числе в форме надписей: «средствами распространения (студенческих фольклорных произведений), помимо устной формы, нередко служили и служат парты...», а общая тема, которая их объединяет, сводится к жизни студента во всех ее разнообразных проявлениях [4, с. 3]. Однако и здесь далеко не все надписи могут быть отнесены к фольклору, поскольку, как замечает автор, студенческий фольклор – это устойчивые тексты, которые передаются от одного поколения студентов к другому.

Опыт пилотажного исследования

В феврале-мае 2024 г. в Государственном университете «Дубна» проводилось пилотажное исследование надписей и рисунков, оставленных студентами на учебных партах в одной аудитории. Выбор аудитории обусловлен тем, что в ней чаще всего проводятся многопоточные занятия с участием студентов всех направлений подготовки. Кроме того, аудитория содержит значительный объем надписей – всего зафиксировано 1546 единиц. Зафиксированные надписи были разделены на категории в соответствии с операциональной моделью исследования. Обработка данных выполнялась в программе SPSS 23. Каждая надпись получила соответствующее значение в зависимости от тематики и местоположения (ряда). В итоговую выборку ($n = 757$) не были включены 789 надписей, представляющие нечитаемые черточки и нецензурные выражения (которые, конечно, тоже могут представлять определенный исследовательский интерес).

Категории анализа:

- бесконтекстные надписи;
- фильмы, игры, сериалы (массовая культура);
- политические высказывания;
- бытовая тематика (быт студенческой жизни: преподаватели, предметы, студенты);
- общечеловеческие проблемы;
- религиозные знаки;
- математические выводы и формулы;
- чертежи (геометрия, тригонометрия);
- реклама личности (социальные сети, имена);
- идеологические надписи.

Гипотезы исследования:

1. Наиболее распространенной тематикой надписей выступают бесконтекстные надписи.
2. Между местоположением надписи и ее содержанием не наблюдается статистической зависимости.

Для проверки первой гипотезы использовался частотный анализ, для второй – корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

В результате частотного анализа были выделены наиболее распространенные категорий надписей: бесконтекстные надписи, фильмы, игры, сериалы (массовая культура), политика, бытовая тематика, религия.

Бесконтекстные надписи встречаются 235 раз, что делает их доминирующей категорией. Таким образом, гипотеза №1 подтверждается: бесконтекстные надписи выступают наиболее распространенной тематикой.

Для проверки второй гипотезы выполнен корреляционный анализ между переменными «ряд» (местоположение надписи) и «категория» (содержание). Полученные результаты представлены в таблице.

		ряд	категория
ряд	Корреляция Пирсона	1	-,134**
	Знач. (двухсторонняя)		,000
	N	757	757
категория	Корреляция Пирсона	-,134**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,000	
	N	757	757

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таблица 1. Корреляция Пирсона

Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). Коэффициент корреляции Пирсона составил -0,134, что указывает на слабую отрицательную корреляционную связь между местоположением надписи и ее содержанием.

Таким образом, гипотеза №2 подтверждается: между местоположением надписи и ее содержанием не наблюдается статистически значимой зависимости (связь слабая и практически отсутствует).

Распределение тематик по рядам аудитории. Анализ содержания надписей в зависимости от ряда (местоположения) показал следующее распределение:

- 0 ряд – преобладают высказывания про быт студенческой жизни;
- 1 ряд – преобладают высказывания про фильмы, сериалы, мемы;
- 2 ряд – преобладают бесконтекстные надписи;
- 3 ряд – преобладают бесконтекстные надписи;
- 5 ряд – преобладают высказывания на тему общечеловеческих проблем;

6 ряд – преобладают высказывания на тему общечеловеческих проблем;
7 ряд – преобладают высказывания, связанные с современной властью России;
8 ряд – преобладают бесконтекстные надписи;
9 ряд – преобладают высказывания на тему мемов, сериалов, фильмов;
10, 11, 12 ряды – надписи фактически отсутствуют, представлено несколько бесконтекстных рисунков.

Такое распределение, при общей слабой отрицательной корреляции, указывает на локальные тематические «сгущения», которые, однако, не формируют устойчивой системной связи между рядом и содержанием.

Интерпретация полученных результатов. Подтверждение гипотезы №1 (доминирование бесконтекстных надписей) может быть связано с тем, что часть студентов не проявляет устойчивого интереса к образовательному процессу. Оставляя надписи, не привязанные к конкретной учебной ситуации, они стремятся занять себя в пассивные или рутинные моменты занятия.

Подтверждение гипотезы №2 (отсутствие статистической зависимости между местоположением и содержанием) свидетельствует о том, что тематика надписей распределяется по аудитории практически случайно. Слабая отрицательная корреляция (-0,134) не имеет содержательного значения для объяснения социального поведения студентов в контексте выбора места для той или иной надписи.

Таким образом, студенческие надписи в аудитории представляют собой преимущественно бесконтекстный и пространственно неструктурированный феномен. Наиболее релевантным теоретическим подходом в этой связи оказывается теория скрытых транскриптов, поскольку основная масса надписей была связана с преподавателями или учебными дисциплинами, не считая бессодержательных или недекодируемых надписей. Это может свидетельствовать о студенческих партах как площадке для критики «власти» посредством скрытых, недоступных для преподавателей, транскриптов. Тем не менее результаты пилотажного исследования нельзя экстраполировать на студенческие надписи в других аудиториях, анализ которых может существенно дополнить объем эмпирических данных и повлиять на дальнейшие результаты исследования.

Библиографический список:

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
2. Блумер Г. Символический интеракционизм. Перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. 343 с.
3. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos : «Адапт», 1997. 287 с.
4. Старцев Д.И. Студенческий фольклор: проблема классификации // Огарев-Online. 2014. № 8(22). С. 3.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 226 с.
6. Cohen A. Delinquent Boys: the Culture of the Gang. Glencoe: Free Press, 1955. 198 p.
7. Scott J. Domination and the Arts of Resistance. Hidden transcripts. New Haven; London: Yale University Press, 1990. 251 p.
8. Shumov K. Dialogue as the Main Form of the Students' Graffiti Creation // Contemporary Folklore: Changing World View and Tradition / Ed. by M. Kõiva. Tartu: Institute of Estonian Language; Estonian Museum of Literature, 1996. Pp. 347-365.
9. Tannenbaum F. Crime and the Community. Oxford: Ginn, 1938. 487 p.

Kravchenko A.L., Bezdetnykh A.V., Lomakin D.V., Sanarchin I.I., Timofeev N.E.

Inscriptions on student desks: the experience of sociological analysis

A set of theoretical approaches to the sociological study of inscriptions on student desks in classrooms is considered. Despite the seemingly marginal nature of the object, inscriptions on desks can provide rich empirical material for analyzing and revealing the features of student everyday life, subcultures, institutional relations and spatial practices. The results of a pilot study of student inscriptions are shown. The conclusion is made about the predominantly non-contextual nature of the recorded student inscriptions. In the opinion of the authors, the explanatory model related to the theory of hidden transcripts is the most relevant for the data obtained.

Keywords: students, education, sociology of space, deviant behavior, hidden transcript, social theory, habitus, communication, student notes.

УДК 1(091):113

Н.В. Ранюк

В.И. Вернадский о философских аспектах гармонии и смысла жизни

Аннотация:

Рассматриваются философские аспекты гармонии и смысла жизни в учении выдающегося русского ученого В.И. Вернадского. Представлен анализ взглядов Вернадского на взаимозависимость человека и окружающей среды (природы), проблематизируется концепция биосферы и ее нового этапа развития – ноосферы. Сделан вывод об актуальности идей Вернадского для формирования новой системы ценностей, основанной на гармоничном развитии человечества и природы.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, гармония, смысл жизни, ноосфера, биосфера, космизм, окружающая среда, ноосфера.

Об авторе: Ранюк Никита Владимирович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры Социологии и культурологии; эл. почта: NikitaKoya888@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры Социологии и культурологии; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Проблема гармонии и смысла жизни берет начало еще в первых философских концепциях и продолжает развиваться в современной науке. Находясь на пересечении этики, онтологии и натурфилософии, она являет собой сквозную тему философской мысли. В античной философии был заложен основной фундамент проблемы гармонии как сути и смысла жизни человека. В диалоге «Тимей» Платон представил концепцию, где творец создает все сущее по образу идей – вечных и совершенных элементов, которые образуют космическую гармонию [11]. Эта же мысль получает продолжение в «Государстве», однако там Платон уже проводит параллель между устройством космоса, государства и души человека.

Позже Аристотель развивал идею о гармонии и смысле жизни в призме философской этики. Его концепция «золотой середины» и путь избегания крайностей связаны с человеческим счастьем и выступают инструментом для поиска добродетели – главной жизненной ценности [1]. Марк Аврелий делит бытие на то, что состоит в нашей власти, и то, что за пределами человеческого контроля [9]. Стоическим идеалом достижения гармонии для философа становится принятие внешних событий, развитие внутреннего спокойствия, ведь повлиять человек может лишь на то, что возможно контролировать.

Философские достижения античного периода получили переосмысление в рамках немецкой классической философии. Если античные философы фокусировались на космологической трактовке гармонии, то далее центр внимания переместился в этическую сферу. Особенно ярко это проявилось в трудах И. Канта. В «Критике практического разума» он связал идею гармонии с категорическим императивом – по его мнению, гармония заключается в том, чтобы человеческая воля соответствовала всеобщему моральному закону [6]. В «Критике способности суждения» Кант предложил концепцию целесообразности природы, которая становится своеобразным мостом между миром природы и миром нравственности [5].

К. Э. Циолковский излагает целостную концепцию космической миссии человечества: он рассматривает разум как закономерный и активный фактор эволюции материи, способный не просто пассивно существовать в космосе, но целенаправленно преобразовывать окружающую реальность – от Земли до масштабов Вселенной [13]. Ученый полагал, что нравственный долг и смысл жизни разумных существ – устранить страдание и хаос, привнести в мироздание порядок и гармонию, используя научно-технический прогресс для управления природными процессами (энергетикой звезд, материей, пространством).

Циолковский обосновывал неизбежность расселения человечества за пределы Земли, переход к новым формам бытия (в том числе «лучистой» энергетической форме), а также поэтапную космическую эволюцию – от освоения ближнего космоса до взаимодействия с иными цивилизациями и преображения самой природы разума. Ученый не только дал теоретическое обоснование активной роли человечества в космосе, но и связал научно-техническое развитие с этическим императивом: преобразование Вселенной становится не просто технологическим проектом, а высшей моральной задачей, призванной утвердить разум, жизнь и благо во всем космическом масштабе.

В этой связи концепция ноосферы В.И. Вернадского стала своеобразным синтезом всех этих идей. Вернадский переосмыслил античное представление о космической гармонии, превратив его в научную концепцию биосферы – целостной, саморегулирующейся системы. Учение Вернадского приобретает особую значимость в условиях современного глобального экологического кризиса, который характеризуется изменением климата, истощением природных ресурсов и утратой биоразнообразия. Это находит подтверждение в работах современных авторов, которые отмечают актуальность идей Вернадского для поиска путей выхода из кризиса [7; 12].

Его представление о ноосфере как о синтезе науки, нравственности и гармонии между человеком и природой позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие общества и биосферы [3]. Гармония достигается тогда, когда человек и природа развиваются совместно, под руководством разума и научного мышления [2]. Такой подход способствует формированию нового смысла жизни и ответственности человека за будущее планеты в эпоху антропогенного воздействия на окружающую среду. Ученый рассматривал биосферу как динамическую систему, интегрированную в космические процессы: «во всех частях Вселенной царит гармония», проявляющаяся во взаимосвязи минерального, живого и духовного миров [8]. Биосфера – не изолированная оболочка, а часть космического порядка, где жизнь выступает геологической силой, преобразующей планету и космос посредством биохимических процессов.

Ключевым аспектом гармонии становится синтез материального и духовного. Вернадский критиковал глобальный редукционизм, свойственный научному знанию. Он подчеркивал, что научная картина мира, исключая философские и религиозные представления, неполна, поскольку научное знание наполнялось и до сих пор наполняется идеями из этих сфер знания: «научное мировоззрение не может быть замкнуто только в пределах науки. Оно должно включать в себя и философские, и религиозные элементы, ибо только тогда оно становится подлинно мировоззренческим» [3].

Однако у научной мысли есть особая роль. По мнению Вернадского, она оказывается главным инструментом гармонизации отношений между обществом и биосферой. Он доказывает, что переход к ноосфере – сфере разума – возможен только через коэволюцию, в которой человечество, в духе философии тождества Ф. Шеллинга, осознает себя частью природной системы, а не ее эксплуататором, как это происходит в актуальном потребительском подходе отношений человека и природы (табл. 1). Этот процесс требует

перехода с антропоцентрической оптики на идею о том, что менять природу можно только в соответствии с ее законами.

Согласно В.И. Вернадскому, существует два условия достижения равновесия (принципы коэволюции):

1. отказ от идеи господства над природой в пользу принципа коэволюции, при котором развитие технологий согласуется с биосферными циклами;

2. синтез рационального и интуитивного познания, включая философские, художественные и религиозные формы освоения реальности [3];

Критерий	Потребительский подход	Ноосферная модель Вернадского
Отношение к природе	Господство, эксплуатация	Коэволюция, симбиоз
Метод познания	Редукционизм, специализация	Междисциплинарность, синтез культур
Цель науки	Контроль над ресурсами	Гармонизация социоприродных систем

Таблица 1. Сравнительная таблица: потребительский и ноосферный подход.

Гармония в учении Вернадского – это не статичный идеал, а динамичный процесс, требующий активного участия научного сообщества в формировании экологической этики и глобального мировоззрения. Смысл человеческого существования Вернадский связывал с преодолением эгоцентризма и переходом к биосферной этике, где благополучие природы становится критерием прогресса. Он подчеркивал, что мыслить и действовать нужно не в интересах отдельного человека или группы, а в масштабах всей планеты [2].

Вернадский уверен, что наука может послужить механизмом гармонизации отношений между обществом и биосферой. При этом биосфера эволюционирует в ноосферу – качественно новый этап, в котором ключевую роль будет играть разумная деятельность человека [4]. В этой связи есть ряд ключевых принципов перехода от биосферы к ноосфере: интеграция наук, образование как основа сознания, биосферные технологии, глобальное единство и планетарная солидарность, а также этический императив ноосферы.

Интеграция наук: синтез естественных, технических наук, социально-гуманитарных дисциплин и философии для решения комплексных проблем. Переход к ноосфере требует преодоления традиционной фрагментации знаний и объединения различных научных дисциплин. Вернадский подчеркивал, что только через интеграцию естественных наук (биология, экология, химия), гуманитарных дисциплин (социология, экономика, история) и философии можно понять сложные взаимосвязи между человеком и природой.

Такой синтез позволяет создавать комплексные модели устойчивого развития, учитывающие не только технические, но и социальные, культурные и этические аспекты. Это особенно важно в условиях глобальных экологических вызовов, когда решения требуют междисциплинарного подхода и системного мышления. Если естественные науки дают понимание процессов в биосфере, то социально-гуманитарные помогают учитывать поведение человека и аксиосферу общества. Философия же при этом формирует мировоззренческие основы и этические нормы, обуславливающие развитие. Так, интеграция наук создает основу для возникновения нового типа сознания, необходимого для устойчивого взаимодействия человека с природой.

Образование как основа сознания – принцип, заключающийся в формировании экологического мировоззрения посредством перестройки образовательных программ. Вернадский считал, что ноосфера – это сфера разума, поэтому роль образования в переходе от биосферы к ноосфере невозможно переоценить. Образование должно не просто передавать знания, но и формировать новое экологическое мировоззрение, в котором человек осознает свою ответственность за планету и понимает необходимость гармоничного сосуществования с природой. Перестройка образовательных программ включает внедрение междисциплинарных курсов по экологии, устойчивому развитию, этике и философии природы, что способствует развитию критического мышления и нравственных ориентиров.

При этом современные образовательные системы часто ориентированы на узкоспециализированные знания, не учитывающие экологические вызовы. Однако формирование экологического сознания с детства помогает воспитать поколение, способное принимать решения, учитывающие долгосрочные последствия для биосферы и ноосферы.

Технологии в согласии с биосферой: разработка «природоподобных» технологий (биомиметика, замкнутые производственные циклы). Переход к ноосфере предполагает использование технологий, которые не разрушают, а поддерживают и восстанавливают природные системы. Вернадский подчеркивал необходимость гармонии между человеком и природой, что сегодня воплощается в концепциях биомиметики – изучении и применении природных механизмов в технике и промышленности. Замкнутые производственные циклы, минимизация отходов и переход к возобновляемым ресурсам позволяют снизить антропогенное воздействие на биосферу и способствуют устойчивому развитию. Биомиметика позволяет создавать экологичные технологии, вдохновленные природой. Замкнутые циклы производства уменьшают загрязнение и истощение ресурсов, что чрезвычайно актуально для сохранения биосферы. Наконец, такие технологии способствуют переходу от эксплуататорского отношения к партнерскому, что соответствует идеям ноосферы.

Глобальное единство и планетарная солидарность: формирование ноосферного правового поля. Переход к ноосфере невозможен в условиях разобщенного человечества, разделенного национальными границами и противоречивыми интересами. Вернадский предвидел, что становление сферы разума потребует качественно нового уровня планетарной солидарности, основанной на осознании единства судьбы человечества и биосферы. Современные глобальные вызовы – изменение климата, загрязнение океанов, сокращение биоразнообразия – показывают, что экологические проблемы не признают государственных суверенитетов и требуют кооперации в масштабах всей планеты.

Этот императив предполагает формирование нового планетарного правового поля, где приоритет сохранения биосферы будет выше сиюминутных национальных интересов. Речь идет о создании международных институтов, наделенных реальными полномочиями для принятия решений, обязательных для всех государств. Эффективность подобных институтов пока ограничена добровольностью обязательств и отсутствием действенных инструментов принуждения, а также довольно тяжелой обстановкой в сфере международных отношений.

Тем не менее ключевыми направлениями формирования ноосферного правового поля становятся: экологизация международного права – включение принципа устойчивого развития в качестве императивной нормы, имеющей приоритет над торговыми и экономическими соглашениями; создание наднациональных экологических органов с

правом контроля за соблюдением экологических стандартов и применения санкций за их нарушение; признание прав природы на международном уровне, что означает юридическое закрепление ценности экосистем не только как ресурса, но и как самоценного субъекта права.

Этический императив ноосферы: нравственные основания научно-технического прогресса. Становление ноосферы невозможно представить как чисто технологический или политический процесс – его фундаментом должна стать глубинная трансформация системы ценностей. Вернадский последовательно проводил мысль о неразрывной связи научного прогресса с нравственным развитием человечества. В этом контексте возникает новый этический императив, который можно сформулировать следующим образом: поступай так, чтобы твои действия были совместимы с дальнейшей эволюцией биосферы и способствовали становлению ноосферы.

Этот принцип выходит далеко за рамки традиционной экологической этики. Речь идет не просто о бережном отношении к природе, а об осознании человеком своей роли как направляющей силы планетарной эволюции. В практическом плане такой подход предполагает приоритет ответственности над потреблением, научную этику как основу современных исследований, а также экологизацию профессиональной этики – оценку любой человеческой деятельности не только по экономическим показателям, но и по ее вкладу в сохранение и усложнение биосферных процессов.

В мировоззренческом плане этот императив наполняет личное существование новым смыслом. Профессиональная деятельность ученого, инженера, педагога или управленца обретает космическое измерение, когда оценивается через призму ее соответствия целям ноосферогенеза. Повседневные решения – от бытового потребления до гражданской позиции – становятся элементами коллективного разума, сознательно участвующего в эволюции планеты.

Суть коэволюции (совместного развития) по Вернадскому – путь устойчивого развития, при котором человечество и биосфера взаимно адаптируются, сохраняя целостность экосистем. Мы не можем игнорировать законы биосферы, ибо сами остаемся ее частью. Этот принцип противостоит антропоцентрической модели, характерной для эпохи модерна (см. табл. 2). В частности, антропоцен, эпоха доминирования человека на планете, характеризуется шестым массовым вымиранием видов – сегодня темпы исчезновения в 100 раз превышают естественные [10].

В.И. Вернадский рассматривал коэволюцию как гармоничное взаимоприспособление общества и природы, что в традиционных культурах проявлялось в циклическом земледелии (например, трехпольная система на Руси или японские sato-yama) и регулируемой охоте с экологическими табу.

Вместе с тем в современном мире эти принципы воплощаются через ревайлдинг – как в якутском проекте «Олекма» по реинтродукции бизонов для сохранения вечной мерзлоты, или голландском заповеднике Oostvaardersplassen с саморегулируемой экосистемой, а также через агроэкологические практики: пермакультуру Зеппа Хольцера с его биотопами или вьетнамские рисовые чеки с симбиозом рыб и злаков.

Хотя переход к коэволюционным моделям сталкивается с экономическими сложностями (3-5 лет на восстановление почв) и социальными конфликтами (как в случае с реинтродукцией волков в Швейцарии), гибридные решения типа бразильского агролесоводства демонстрируют возможность синтеза традиционной мудрости и современных технологий, что ярко проявилось на Кубе, где кризис 1990-х гг. вынудил полностью перейти к органическому земледелию, подтверждая тезис Вернадского: «Природа будет защищать нас, если мы научимся защищать ее».

Критерий	Антропоцентризм	Биоцентризм Вернадского
Ценность природы	Ресурс для потребления	Самоценная эволюционная система
Управление	Технократический контроль	Адаптация к биосферным циклам
Критерий прогресса	Рост ВВП	Сохранение биоразнообразия

Таблица 2. Сравнение: концепция антропоцентризма и биоцентризм Вернадского.

Учение Вернадского о ноосфере предлагает человечеству путь к устойчивому развитию, где гармония проявляется в установлении связи с природой и становится условием сохранения цивилизации. Этот путь предполагает интеграцию наук, перестройку образования для формирования экологического сознания и разработку природоподобных технологий. Осознавая риски, связанные с бесконтрольным развитием науки, Вернадский подчеркивал важность этического измерения, определяющего смысл жизни человека как ответственного члена биосферы. Суть коэволюции – взаимная адаптация человечества и

биосферы, в противовес антропоцентризму, приведшему к кризису Антропоцена. Следование к принципам коэволюции, как демонстрируют традиционные общества и современные практики ревайлдинга и агроэкологии, – необходимое условие для достижения гармонии с природой, что, в свою очередь, наполняет смыслом жизнь человека в эпоху ноосферы.

Библиографический список:

1. Аристотель. Никомахова этика / Н. В. Брагинская; перевод, примечания, указатель Н. В. Брагинской. – М.: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус”», 2022. 448 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 573 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
4. Каримов А.В. В. И. Вернадский о ноосфере как факторе эволюции свободы / А.В. Каримов, Т.И. Пчельникова // Вестник ТГУ. 2012. Т. 17, № 6. С. 1577-1579.
5. Кант И. Критика способности суждения. М.: Издательство АСТ, 2022. 448 с.
6. Кант И. Критика практического разума. М.: Издательство АСТ, 2025. 256 с.
7. Ковда В.А. Владимир Иванович Вернадский и современность: к 130-летию со дня рождения // Почвоведение. 1993. № 2. С. 5-12.
8. Кукушкина Е.И. Рыцарь истины Владимир Иванович Вернадский (от гармонии минералов к гармонии духа) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 5.
9. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий Антонин. М.: Издательство АСТ, 2025. 384 с.
10. Павлов А.П. О геологической истории Европейского континента. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1914. 50 с.
11. Платон. Тимей // Филеб; Государство; Тимей; Критий / общая редакция А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмус, А.А. Тахо-Годи; вступительная статья А.Ф. Лосева; перевод с древнегреческого С.С. Аверинцева, А.Н. Егунова, Н.В. Самсонова; примечания А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. 656 с.
12. Урсул А.Д. Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы. М.: Издательство Московского университета, 2013. 432 с.
13. Циолковский К.Э. Вне Земли. М.: Директ-Медиа, 2008. 39 с.

Raniuk N.V. V.I. Vernadsky on the Philosophical Aspects of Harmony and the Meaning of Life

This article explores the philosophical aspects of harmony and the meaning of life in the teachings of the outstanding Russian scientist V. I. Vernadsky. The work presents an analysis of Vernadsky's views on the interdependence between humans and the environment or nature, and examines the concept of the biosphere and its new stage of development—the noosphere. The conclusion of the article emphasizes the relevance of Vernadsky's ideas for the formation of a new value system based on the harmonious development of humanity and nature.

Keywords: V.I. Vernadsky, harmony, meaning of life, noosphere, biosphere, cosmism, environment, noosphere.